

18+

ЕВГЕНИЙ БАШКАРЕВ

Ты слышишь?

Евгений Башкарев

Ты слышишь?

«Издательские решения»

Башкарев Е.

Ты слышишь? / Е. Башкарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969966-4

Знал ли двенадцатилетний Рома Фетль, какой кошмар последует по его следам, когда он покинет класс биологии? Какие тайны сокрыты за удивительными голосами, которые увлекают в мир чуждого и неизведанного? Что находится глубоко под школой, и куда ведут старые вентиляционные шахты секретного объекта? Добро пожаловать в страшную историю, где дети слышат то, что не слышат взрослые. Где мирный уклад жизни рушит то, что не поддается объяснению. И где вера подчиняет себе то, что не содержит обоснования.

ISBN 978-5-44-969966-4

© Башкарев Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Визит	6
Глава вторая	11
Рома Фетль и Антон Дикий	11
Глава третья	17
Дорога на Кабахaha	17
Глава четвертая	27
Прояснение	27
Глава пятая	35
Проверка смелостью	35
Глава шестая	42
Дети слышат	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ты слышишь? Евгений Башкарев

© Евгений Башкарев, 2020

ISBN 978-5-4496-9966-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Визит

Когда в дверь постучали, Мария Александровна Фетль проверяла очередное сочинение, посвященное Дню матери. Под конец рабочего дня она устала от криков учеников и заперлась в своем кабинете, чтобы никого не слышать и ни с кем не разговаривать. Это было ее время, за которое она успевала сделать то, что не успевала сделать за весь день.

Некоторые сочинения она читала с удовольствием. Ей нравились свободные темы, потому что в них скапливалось больше мыслей самих учеников, нежели содранных готовых текстов из интернета. Если стилистически сочинение было написано грамотно, она пропускала орфографические ошибки.

Просто не хотела терять нить повествования. Она читала дальше, до конца, потом выделяла пару незначительных ошибок и ставила оценку. Фетль считала, что если ученик пишет сам, большая часть его умственных способностей уходит на то, чтобы воплотить идею, а не следить за орфографией. Поэтому на мелкие огрехи она закрывала глаза. *Конечно, она их видела!*

Впрочем, детям она прощала не только небольшую безграмотность. Если в школе случались проблемы из разряда «кто-то кого-то толкнул или побил», все тут же бежали к ней жаловаться. Мария Александровна разбирала скандал за скандалом, за что ее любили не только дети, но и их родители. Рабочий день казался ей сказкой, когда за окном темнело, а в ее кабинет никто не стучался, чтобы сообщить, что мальчики курят в туалете, а девочки хамят учителям.

Сегодня не случилось ни первого, ни второго, но в кабинет все-таки постучали. Фетль вздохнула, отложила тетрадь и пошла к двери. Она даже не пыталась предсказать, что кто к ней пришел. Она устала до такой степени, что никого не хотела видеть. Открывая замок, завуч думала: что бы ни случилось, она не задержится в школе ни на минуту. Проблемы все равно никуда не убегают, какой бы скоростью их решения она ни обладала.

Увидев на пороге кабинета мужчину с серым, как скала, лицом, Мария Александровна почувствовала испуг. Почему-то это лицо напомнило ей о неприятностях, и, хотя мужчина еще не произнес ни слова, Фетль уже ощутила себя на педсовете, где ей все время приходилось отчитываться, нежели что-то предлагать.

– Здравствуйте! – произнес он, не сдвигаясь с места.

Мужчина напомнил ей бродячего проповедника, наставляющего христиан на путь добра, с той лишь разницей, что ничего доброго в нем она не видела. От него веяло холодом и суровостью, а его взгляд сверлил в ней дыры.

Мария Александровна почувствовала себя голой и глупой одновременно. На всякий случай она незаметно поправила блузку и пригласила мужчину в кабинет. Она подозревала, что он отец или дедушка одного из учеников, не поладившего с ребятами из старших классов. Пока Фетль шла к столу, на котором лежала кипа непроверенных сочинений, мужчина сделал ровно два шага от двери и остановился.

– Вы могли бы присесть. – Она указала на ряд выставленных стульев.

– Благодарю, – проговорил мужчина, но не продвинулся вперед. – Я пришел к вам по очень важному делу.

– Да, конечно. – Она сделала вид, что озадачена и слушает его так же, как свою директрису.

Фетль не стала упрашивать собеседника занять сидячее положение. По ее мнению, все мужчины делились на две категории: упрямые и бестолковые. К какой из вышеуказанных кате-

горий относился странный джентльмен, она не знала. Глаза его не двигались, но очевидное сосредоточение в них наводило на мысль, будто она была в чем-то виновата.

– Я никогда не просил людей о таких вещах. – Он поправил ворот пальто. Говорил, как будто свысока. – И, скорее всего, моя просьба покажется необычной. Однако я вынужден принять любой ваш ответ...

Он сделал паузу, но Фетль от этого еще сильнее запуталась.

– Вы готовы меня выслушать?

Мария Александровна потянулась за кружкой остывшего чая. Сделав два глотка, она посмотрела на мужчину в пальто. Она хотела предложить ему раздеться, но позже решила, что у такого строгого, уверенного человека есть свое мнение, как располагаться в чужом кабинете. И, если бы он хотел снять пальто, он бы уже это сделал.

– Извините, но обычно, когда незнакомые люди приходят ко мне в кабинет, они представляются или хотя бы называют фамилию своего ребенка. – «Или начинают орать тебе в лицо, показывая, кто здесь отец», – подумала она про себя. Последнее случалось чаще. – Так легче общаться. Меня зовут Мария Александровна. Я заведующая по учебной части и, к несчастью, из-за особых правил нашей школы вынуждена заниматься всеми воспитательными вопросами, как с детьми, так и с их родителями. Кто вы?

Она чуть повысила голос, но на поведении мужчины это никак не отразилось.

– Мое имя Освальд, – изрек он, и точно поставив точку.

Фетль слушала. Вкус чая был настолько противным, что она отставила кружку.

– И... что же случилось, господин Освальд?

– У меня умер отец, – сказал мужчина в пальто и словно растоптал горечь, скопившуюся в просторном кабинете.

– Примите мои соболезнования. – Мария Александровна пожала плечами, не зная, как продолжить разговор.

– Благодарю, – ответил Освальд. – Но я пришел получить от вас нечто большее.

Фетль взяла ручку и принялась вращать ее между пальцами. Даже разговоры с неугомонными родителями проходили в более радужных тонах. Сейчас ей казалось, будто ее испытывали.

– Мой отец отучился в этой школе всего четыре года, – продолжил Освальд, окидывая суровым взглядом стены кабинета. – Потом его позвали на войну. Но он не воевал.

– Почему же?

– Он попал в плен, когда немецкие войска захватывали Польшу.

– Вы поляк? – спросила Мария Александровна. – Точнее... вы или ваши предки были из Польши?

– Да. Вы верно догадываетесь. Плюс мое имя не подходит к русской культуре. Я считаю себя поляком, потому что мать и много других родственников до сих пор живут в Польше. Но мой отец никогда не был поляком. Он родился в Новороссийске, дал мне русское образование, и... так получилось, что я свободно говорю на двух языках, имею два паспорта и живу на две страны.

– Ваш отец прошел войну? У него, наверное, есть звание?

– Нет. К сожалению, он не прошел войну. Он попал в плен. Потом бежал. Снова попал в плен. И снова сбежал. Он бежал от немцев трижды, и всякий раз, когда он совершал побег, немецкий лагерь горел.

– То есть...

– Сгорал дотла, – уточнил Освальд. – От него ничего не оставалось. Только выжженное поле и все.

– Он имел к этому...

– Я уверен! – промедлил он. – Он был необычным человеком. Что-то было в его руках...

Он помолчал. Фетль медленно обдумывала услышанное. После сочинений о матери истории про войну ее почти не захватывали. Они смотрелись, как бред ненормального.

Тут Освальд поднял голову выше и проговорил:

– Он мог зажечь огонь. Мог остановить ветер. Он многое что мог. Но недавно его не стало.

Фетль выпрямилась на стуле и только сейчас заметила, что ручка исчезла из ее пальцев. Она окинула стол в поисках предмета. Ручки нигде не было.

– Да, я... – В растерянности она замешкалась. – Чем я могу вам помочь? Вы говорили, что хотели что-то попросить. Хотя я даже не догадываюсь, чем могу помочь вам, занимая пост обычного завуча общеобразовательной школы.

– Вы можете все, – заверил он, и при этих словах Фетль испытала чувство тревоги.

Пальцы ног так и сжались в тесных туфлях.

– То есть?

– Как я уже говорил, мой отец учился в вашей школе четыре года. И ему здесь нравилось. Это место расположено на холмах. – Освальд повернулся к окну, откуда виднелся гребень горы Колдун. – Он любил эти холмы. И он наказал мне во что бы то ни стало вернуться сюда после его смерти. Мой отец хотел, чтобы здесь его похоронили и здесь же прошла поминальная служба по его усопшей душе.

– Что? – Глаза Фетль выкатились на лоб. – Пойдите, пойдите! Чтобы мы правильно друг друга поняли и не просили о безумных вещах... О какой поминальной службе идет речь?

– О самой обычной поминальной службе, сопутствующей самым обычным похоронам.

Фетль пришлось немного отступить.

– Вы понимаете, что это школа? Здесь учатся дети. Здесь проводят занятия и факультативы даже в воскресенье. Если родители узнают, что в школе проходят поминки, я... Я не знаю, что дальше будет.

– Нет. Вы знаете, – спокойно ответил Освальд. – Вы все знаете. И в ваших силах решить этот вопрос.

Фетль замахала руками. Она была готова услышать многое, но такое... «Поминальная служба в школе. Уму непостижимо!»

– Я понимаю ваши намерения, господин Освальд. Ваш отец хотел, чтобы его память почтили в школе, где он учился. Но и вы поймите меня. Это против правил и благоразумия. К тому же наша столовая способна вместить только сорок человек...

– Этого достаточно.

Фетль потянулась к телефону, подняла трубку, но тут же передумала.

– Как я понимаю, вашего отца похоронят на кладбище Кабахеха?

– Да, – ответил Освальд. – На старом кладбище. На самом верху.

Давно работая здесь, Фетль отлично знала местность вокруг школы. И задумалась, вспоминая ближайшие общепиты.

Школу от кладбища отделяло около километра, и дорога туда шла на подъем. Несмотря на короткий путь, на весенних субботниках ей с детьми приходилось ехать туда на автобусах, и за столько лет по обе стороны дороги она не видела ни одного ресторана, столовой или прочего закусочья, где могли бы пройти поминки. Хотя, она помнила, что подобные заведения открывались. Но бизнес не приживался. Все вокруг кладбища рушилось. Единственным и ближайшим пристанищем была семьдесят седьмая школа. Ниже, за крутым поворотом, дорога неслась к центру города, и найти общепит там проблем не составляло.

– Недалеко от школы находится замечательный ресторан, – сказала она после долгой паузы. Фетль посчитала, что если процессия двинется на кладбище на машинах, то им не составит труда спуститься еще на триста метров в сторону центра. Сущий пустяк. – Недорогой и с прекрасной обстановкой. Вам нужно проследовать до поворота, там будет вывеска, куда идти. Насколько я знаю, там проводят поминальные службы.

– Вы меня неправильно поняли. – Пальто на его плечах натянулось. – Мой отец хотел провести поминальную службу здесь. В вашей школе. И нигде больше. Я не могу идти в другое место, будь оно трижды лучше. Желание моего отца для меня превыше всего на свете, тем более что оно исходит из определенных причин.

– Из каких таких причин? – осведомилась Фетль.

– Этого я сказать не могу. Но вы должны мне верить.

– Я не понимаю. – Учительница встала со стула. Ей надоело смотреть на собеседника снизу вверх.

– Завещание, – произнес он. – Вы когда-нибудь держали в руках завещание, где указана последняя воля покойного?

– Нет.

– Оно у меня в сумке. Но я не вправе его показывать, потому что такова была его воля. Отец написал, что если его завещание не будет исполнено, в школе поселится... хаос.

Фетль согнулась пополам.

– Что? Хаос? Какой еще хаос? Вы... вы мне угрожаете? Вы – террорист? О каком хаосе идет речь?

– Я не преступник и никому не угрожаю, – последовал благопристойный ответ. – Я пришел с благой целью и прошу вашей помощи. Если вам интересно, о чем идет речь, могу сказать лишь одно: хаос поначалу будет незаметен для окружающих. Но потом о нем узнают все.

– Мне кажется, нам не стоит продолжать беседу. – Фетль почувствовала, что ее голос дрожит. – Поминальной службы в школе не будет. Однозначно. Я вам отказываю.

Мужчина в сером пальто сделал шаг назад. Его взгляд прошелся по углам кабинета.

– Мне очень жаль, что я доставил вам неудобство, – произнес он, словно и не было никакого разговора.

Фетль набрала в грудь воздуха. Ее сердце было податливым по отношению к обществу, но иногда люди просили о невозможном. Ей не раз приходилось отказывать, но никогда прежде она не ощущала такого желание пойти против правил. Ей было жаль господина с каменным лицом, и пусть она по-прежнему относилась к нему с осторожностью, после того, как он отступил, в ее груди словно разжалась пружина.

– Мне тоже очень жаль, – сказала учительница. – Я не могу вам помочь. Надо мной тоже есть начальство, и оно не одобрит вашу просьбу.

Освальд сделал еще шаг назад, после чего развернулся к выходу. Его широкая спина едва поместилась в дверной проем, настолько он был огромным. Но тут он вернулся, точно о чем-то забыл и сказал:

– У вас есть дети. Мальчик и девочка.

Бабочки вспорхнули в животе Марии Александровны. Лицо стало таким же серым и каменным, как лицо ее собеседника.

– Большую часть времени вы уделяете девочке, и вот вам мой совет: когда придет час, отвернитесь от нее и выслушайте своего сына. Он скажет вам очень важную вещь. Возможно, вы в нее не поверите. Но вам придется.

Фетль промолчала. Она с трудом понимала, о чем идет речь. Ее голова гудела и раскалывалась. А еще к ней подкрадывалось ощущение, что мужчина в сером пальто наводит на нее порчу.

– Пожалуйста, – повторил Освальд и положил на стол карточку со своим телефоном. Он сделал это почти незаметно, Фетль не опустила глаз, и карточка точно исчезла. – Послушайте его.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Учительница рухнула на стул. Короткий, бестолковый разговор закончился, и теперь она чувствовала, будто ее вывернули наизнанку. Желудок сводили спазмы, во рту стоял привкус

горечи, и настроение от пережитого дня было подобно сумраку, упавшему на город в момент солнечного затмения. Она смотрела на дверь, дверь смотрела на нее, и в таком положении Фетль просидела до тех пор, пока в кабинете не стало совсем темно. Чтобы не пугать случайных посетителей, Мария Александровна зажгла настольную лампу и в кружке с чаем увидела свою ручку. Она вынула ее, вытерла носовым платком и поставила в органайзер. После этого ее взгляд снова остановился. Она чувствовала в себе огромную дыру. Из головы не выходил странный собеседник. Она уже забыла его имя, но не его образ и взгляд. И подумала, что если этот господин придет к ней во сне, то она не проснется.

И все же Фетль была уверена в правильности своего решения. Поминальная служба в общеобразовательной школе – это нонсенс. Она представила, что будет после того, как поминки закончатся, и ее охватил озноб. Телефон разорвется от звонков родителей в первый же день. Претензии посыплются, как яблоки в плодовый год, и чьей-нибудь маме обязательно придет в голову написать заявление в полицию.

– Как он сказал? – проговорила Фетль в полной тишине. – В школе поселится... ? *хаос* «Еще неизвестно, какой хаос поселится в школе, если поминальная служба здесь когда-нибудь произойдет», – подумала она.

Сил на сочинения не осталось. Она закрыла тетрадь и встала из-за стола.

– Хочу домой, – протянула Фетль. – Я устала. Если кто-нибудь скажет мне хоть слово, я просто пошлю его... обратно. Пусть приходит завтра.

Она собрала свою сумку и выключила настольную лампу. Перед выходом она вспомнила про свой внешний вид. Справа от двери висело зеркало, где чаще, чем Мария Александровна, крутилась только ее дочь. Диана училась на первом курсе в институте юриспруденции и заходила к ней почти каждый день, чтобы взять денег, поесть или распечатать какой-нибудь документ. И всегда крутилась перед зеркалом. Задом, передом, боком, позируя, словно перед фотоаппаратом. Иногда Мария Александровна думала, что если бы не это зеркало, дочь вообще не заходила бы к ней на работу.

Она включила большой свет и посмотрела на свое отражение. Утром она выглядела гораздо лучше. Сейчас ее лоб вспотел, лицо было чудовищно красным, блузка сидела, как на боксерской груше, а тесная юбка перекрутилась и топорщилась, как нос корабля. Оправившись, Фетль покинула кабинет. Сегодня день закончился раньше пяти тридцати вечера, и она торопилась домой. Ей страшно хотелось увидеть детей. Тяга была такой, словно она не видела их долгие годы.

Глава вторая

Рома Фетль и Антон Дикий

В холодное время года Новороссийск становился серым и безропотным. С гор спускался ветер, небо затягивали тучи, улицы поливал дождь. С высоты птичьего полета почти нигде не просматривались цвета, кроме оттенков цементной пыли. Но, вопреки безличию города, холмы, где располагалась школа №77, ежегодно имели один яркий, красочный период. Он наступал ранней осенью и заканчивался с приходом первых морозов. То время, когда лес в низовьях начинал желтеть и терять листву, а пустоши, ныне занятые виноградниками, превращались в огненные долины, знал каждый, кто бывал в школе или двигался по улице Особахиима в сторону кладбища Кабахаха.

Надо заметить, что осень была желтой только для низовий и виноградников. На склонах и вершинах холмов росли вечнозеленые леса. А в лесах, по бокам извилистой дороги, жили люди. Крохотные домики виднелись с верхних этажей школы. Многие из них были брошены, а те, что еще оставались заселенными, были ветхими и разбитыми. Город с ними не считался, и жилье на холмах ничего не стоило.

В семьдесят седьмой школе училось около десятка ребят из домов, расположенных высоко на холмах. Их родители были обычными рабочими. Они вставали рано утром, чтобы пешком спуститься вниз, к улице Особахиима, где находилась ближайшая остановка маршруток, и добраться до своего рабочего места. Каждый день они преодолевали путь в гору и с горы, по затратам сил равный пути через весь Верхнебаканский перевал. И так десятки лет подряд: дети ехали в школу, взрослые в город, а их дома старели и осыпались, словно сама земля толкала их к обрыву, освобождая подножие горы Колдун от мусора.

Детей с холмов в школе недолюбливали. Учителя относились к ним плохо из-за слабой успеваемости, одноклассники считали их странными из-за нежелания открываться коллективу. Они были замкнуты и молчаливы. Общались, в основном, друг с другом и избегали школьных мероприятий. Над ними регулярно издевались дети из более состоятельных семей. Они называли их инопланетянами и потешались над их внешним видом и умственными способностями. Иногда дело доходило до драки, и никто из учителей не пытался уравнивать права тех и других. Дети с холмов были своего рода изгоями, переносящими это клеймо из поколения в поколение.

У Ромы Фетля, сына завуча школы, был друг Антон Дикий. Они учились вместе с первого класса, и, несмотря на то, что Дикий жил на холмах, лучше друга в своей жизни Рома не встречал. Антон был из малоимущей семьи. Мать его скончалась от диабета, когда ему исполнилось два года. С тех пор его воспитанием занимался отец, появляясь дома только пару раз в неделю из-за тяжелой работы в порту. Долгое время Дикий рос вдали от общества, вследствие чего приобрел много воображаемых друзей и пошел в школу только после одобрения психолога. Первые три года, как и ожидалось, он демонстрировал уровень умственно отсталого ребенка. Отцу и преподавателям стоило огромных усилий сохранить его успеваемость на минимальном уровне, чтобы он мог перейти в следующий класс. Все это время его регулярно задирали старшеклассники. Его портфелем играли в футбол, шапкой вытирали подоконники, а девочки давились со смеху с его несуразных брюк и туфель, которые Дикий носил несколько лет подряд. На жизнь в школе он никогда никому не жаловался, но иногда ему доставалось так крепко, что он был вынужден пропускать уроки. Рома хотел ему помочь, но рассказать обо всем маме не мог. Дикий ему запрещал: он ненавидел, когда его жалели. Частые стычки с неприятными компаниями побудили его пойти в секцию бокса, куда он впоследствии затащил и Рому.

В шестом классе у Ромы и Антона был единый стимул заниматься боксом: они хотели постоять за себя. Тренировки и совершенствование навыков в личных поединках стали их защитой от ребят из параллельных классов. К занятиям в спортзале они относились куда серьезнее, чем к школьным предметам, и очень быстро бокс овладел ими, как тяга к превосходству, что оказало непосредственное влияние на взаимоотношения с товарищами по классу. У Ромы и Антона поменялось мироощущение, и каждый из них почувствовал себя с развязанными руками.

Тогда же среди боксеров у них появился кумир. Им стал Александр Поветкин.

Бои Русского Витязя они смотрели по телевизору в прямом эфире. После трансляций обсуждали каждый опасный момент, даже если бой заканчивался, едва успев начаться. Поветкин был для них символом, звездой и образцом мужества. Благодаря тому, что единственный бой, который Поветкин проиграл, ребята так и не увидели, этот боксер стал для них таким же примером стойкости и благородства, каким когда-то был Брюс Ли.

Папа Ромы говорил, что если бы тот родился на десять лет раньше, таким же примером для него стал бы Владимир Кличко. Кстати, отец не раз говорил Роме, что Кличко и был тем самым, кто вывел Поветкина из ранга непобедимых. Но Рому это не интересовало. Шел две тысячи семнадцатый год. Поветкина обвинили в допинге. Над спортсменом повисла угроза дисквалификации, и теперь новости спорта Рома смотрел с трепетом и вниманием. Он переживал.

На очередном уроке биологии, где время замирало от скуки, он просматривал страницу «Вконтакте», где нашел хорошую весть: Поветкина оправдали. Суд не лишил спортсмена лицензии, и он готовился к следующему бою, намеченному на декабрь. Соперником Поветкина значился Кристиан Хамер.

От радости Рома вскочил, и его парта зашаталась. Он сжал кулаки, выдохнул и сел на место. Урок биологии продолжался. Все зевали и слушали, как учительница рассказывает о рибосомах и хромосомах. Кто-то за спинами других уже спал, уткнувшись головой в скрещенные руки, кто-то играл в телефоне, а кто-то был вынужден слушать учительницу, потому что сел напротив ее стола.

Итак, Поветкина оправдали, и настроение Ромы улучшилось. Душевное рвение запросилось наружу, как кишечные газы. Рома вытянул руку, учительница прекратила заунывную речь и подняла очки. Она никогда ничего не спрашивала, но дети знали: если кивнула в твою сторону, значит, она тебя заметила.

– Разрешите выйти! – попросился Рома.

Разумеется, он не имел срочной причины покидать класс, но урок был настолько нудным, а новость настолько горячей, что он не мог стерпеть. Рома хотел поделиться своими мыслями с кем-нибудь, выплеснуть из себя жар, пока не сгорел изнутри. Антон спал на другом ряду, скрывшись за спиной впереди сидящей девочки. Его соседка по парте не отрывалась от телефона, поэтому, когда Рома вышел из-за стола, сигнализировать ему было некому.

– Возвращайся скорее, – вздохнула учительница.

Рома не рассчитывал возвращаться вообще. Напоследок он еще раз посмотрел в сторону друга. Антон даже не поднял головы. Только его соседка по парте бросила мимолетный взгляд. Рома покинул класс и оказался в тихом коридоре.

Именно так начался самый жуткий этап его жизни.

Точнее, началом послужили не его шаги по коридору и не новость о том, что Поветкина оправдали. Просто сам Рома хотел, чтобы откуда-то начинался отсчет. И отсчет пошел сразу, как только он закрыл дверь кабинета биологии и неспешно направился в сторону лестницы. Он еще не решил, куда и зачем ему нужно идти. Сначала планировал повернуть к спортзалу, чуть позже ему захотелось спуститься вниз и выйти на крыльцо к прохладному осеннему солнышку. Он знал, что сейчас на школьном дворе было пусто. Но пустота придавала двору спокойствие

и умиротворение. А в те моменты, когда рядом не было лучшего друга, Рома не прочь был провести время, рассматривая виноградники и длинные черно-желтые долины между холмов.

Он повернул к лестнице и спустился на первый этаж. В коридорах было тихо и прохладно. Осень в этом году слишком быстро оставила детей без тепла. Даже уроки физкультуры с начала октября проводились в спортзале, хотя по программе, как говорила мама, они должны бегать на улице до конца месяца. Рома проскочил мимо актового зала и вышел в вестибюль, откуда широкий коридор разветвлялся на три части: одна уводила в школьную столовую, другая – в гардероб, третья вела к парадной двери.

Здесь он ненадолго остановился и поднял голову к потолку. Он считал трещины. На первом этаже южного крыла их было множество, одна больше другой. Каждый год летом в школу приходили мастера и налепливали очередной слой штукатурки, чтобы скрыть разломы в стенах, но спустя пару месяцев все возвращалось на круги своя. Штукатурка сохла, трескалась и обсыпалась, и посетители, идущие мимо гардероба или по направлению к столовой, видели ужасные щели. В некоторые из них пролезал мизинец.

Трещины покрывали стены и потолки всего южного крыла здания. Дети к ним давно привыкли, а родители, посещающие школу раз в год, терялись в сомнениях и подозрениях. Они считали, что во всем виновато руководство. Миф о том, что деньги, собранные на ремонт, уходили кому-то в карман, имел такие длинные корни, что обрубить их не мог никто. Рома же был другого мнения. Даже глупый поймет, что трещины в стенах образовывались из-за оседания фундамента. А фундамент одними деньгами не укрепишь. Каждый год все надеялись, что новый ремонт будет успешнее предыдущего. Но школа рушила их надежды: трещин становилось все больше и больше.

Рома опустил голову и поплелся к гардеробу. Он не испытывал жалости по отношению к зданию. Школу он не любил и желал ей развалиться как можно скорее, пока он не успел ее закончить.

В тот момент, когда Рома услышал странный звук, он думал о том, как пересидеть шестой урок. Он хотел гулять. Душа требовала свободы. В своей школе Рома натерпелся всякого, но как только его пробирали тоска, ему становилось так плохо, что он начинал мечтать. Улетая из реальности, он находился в более удобном для себя мире. Здесь и девчонки были рядом, и бои с соперниками оканчивались в его пользу, и верных друзей хватало. В своих мечтах Рома не чувствовал себя одиноким. Он был победителем, укротителем и просто человеком, чье присутствие необходимо обществу. Иногда он даже улыбался, размышляя о том, какой красочной была бы жизнь, если бы все было так, как в его мечтах.

Он свернул за угол и вдруг услышал шум. Вначале ему показалось, что у него просто заложило уши. Во всяком случае, виски что-то сдавило, и в глазах появились неопознанные летающие круги. Рома остановился.

Шум не исчез, лишь поменял тон. Теперь он стал более низким, как будто поймал необходимую частоту. Под его натиском стены начали раздвигаться, и Рома подумал, что, если так дальше пойдет, через пару минут выходить из школы ему не потребуется. Школьный двор сам заберется внутрь.

Он сделал несколько шагов в сторону гардероба. Неприятное давление в ушах уменьшилось, но не намного. Он по-прежнему слышал тонкую волну звука, причиняющую такой дискомфорт, словно его держали вниз головой и раскачивали, как шар для боулинга перед броском. От острых ощущений Рома поморщился. Он зашел в гардероб и быстрым шагом двинулся за своей курткой. Каждый год он вешал куртку в разных местах, выбирая те крючки, куда максимально доставал его рост. На выходе из гардероба он заметил вахтершу, в чьи обязанности также входили звонки с урока на урок.

– Извините, – обратился к ней Рома, – вы слышите что-нибудь?

Бабушка оторвалась от книжки и посмотрела сначала на часы, потом на него:

– Что?

– Звук. – Рома поднял палец вверх. – Такой... необычный звук.

– Какой звук, дружок?

– Такой... – Рома замямлил, потому что и сам не знал, из каких компонентов состоит то, что он слышит. – Противный. Нудный. Раздражительный.

Вахтерша усмехнулась.

– Я уже лет десять мало что слышу, – сказала она, указывая на блестящую колбу школьного звонка. – Когда у тебя над головой по двадцать раз в день ревет эта штука, все звуки кажутся одинаковыми.

– Звонок здесь ни при чем. – Рома накинул куртку на плечи. – Я слышу... как будто...

Звук неожиданно стал тоньше, и он наконец-то нашел ему определение:

– Как будто поют много голосов.

– Нет, дружок, – ответила бабушка. – Такого я не слышу.

– Но... – Рома нахмурился.

По мере того, как звук усиливался, словно зазывая его за собой, он чувствовал, что желание покинуть школу теряется. Он уже не хотел выходить на крыльцо, смотреть на пустые низовья и любоваться лысыми виноградниками. Его внимание сосредоточилось на необычном ощущении, которое подходило под описание «Я слышу то, что не слышат другие». Или же бабка просто была глухой. Этого Рома тоже не исключал.

– А ты куда собрался? – вдруг осведомилась вахтерша.

Она прищурилась, а Рома покрылся мурашками при мысли, что бабка сболтнет маме лишнего. Несмотря на далеко не лучшие успехи в учебе, большая часть учащихся уроки не пропускала, и редко кто бродил по коридорам без дела. Поэтому любой приход в гардероб за курткой воспринимался как нечто особенное.

– В туалет.

– Зачем тебе в туалете куртка? В школе не холодно.

– Это вам кажется. – Рома не хотел ждать, пока бабка его раскусит. Он догадывался, что ей уже давно надоело читать роман. Но поговорить было не с кем, а рабочий день еще не заканчивался. Вахтерша отодвинула книгу и повернулась вполборота, чтобы не утруждать большую шею лишним напряжением:

– Ты куда, малый? У тебя сейчас какой урок?

Рома оставил ее вопрос без ответа и выскользнул из гардероба. Оказавшись в пустом коридоре, он пошел на звук. Теперь он ясно различал голоса. Они пели. Рома не мог разобрать ни слова, но пение настолько привлекло его, что он и не думал останавливаться. Он шел вперед, вслушиваясь в тихую, глубокую мелодию, пока не понял, что идет вовсе не в сторону актового зала, а в школьную столовую.

«Может быть, эхо?» – подумал он, ступив на кафельный пол.

В столовой никого не было, и Рома не сомневался, что никто не заглянет сюда. Час пик закончился на третьей перемене, а сейчас шел пятый урок. Традиционный для столовой шум исчез. Окна раздачи были закрыты. Рома словно очутился в склепе.

Но пение не замирало. Он слышал причудливые тона живых голосов, и только тут, в присутствии эха, поверил, что они принадлежат детям. Рома с трудом верил своим ушам. Никогда прежде хоровое пение не привлекало его так, как сейчас. Он даже боялся вздохнуть, чтобы не потерять нить, по которой шел навстречу чудесным звукам.

Тем временем голоса звали его в единственную открытую дверь – на кухню, куда школьников никогда не пускали. Рома шел, словно загипнотизированный. Он чувствовал, будто перед ним расходуется море. Он даже не заметил, как дверь, приоткрытая ровно на сантиметр, распахнулась перед ним, точно кто-то толкнул ее ногой.

Он зашел в переднюю часть кухни и осмотрелся. Никого. Пусто. В другой раз он бы крикнул, чтобы удостовериться, есть здесь кто или нет. Но сейчас его мозг был настолько подвластен чужеродной силе, что он прошел мимо тесной комнаты, где не было ничего, кроме вешалок и лавок. Отсюда вели две двери. Одна прямо – в горячий цех, другая – направо, в темную неизвестную комнату.

Рома заглянул в горячий цех и понял, что звук исходит не оттуда. Огромные электроплиты не поют детскими голосами, а потолочные вентиляторы не аккомпанируют им гулом. Конечно, кто-то мог оставить включенным радио или магнитофон, а эхо могло превратить все в искусство. Но сегодня был не тот случай. Рома лишь удостоверился, что в горячем цеху было так же пусто, как и во всей столовой, и внезапно ему стало так жутко, будто он остался на белом свете один.

– Ты не один, – прошептал себе мальчик. – У тебя есть сестра и мама. Правда, нет папы, но это не самое страшное.

Рома вышел из горячего цеха и посмотрел на дверь помещения, откуда выходил звук. За шесть лет учебы в школе он никогда здесь не был.

– Согласен, – пробубнил он, – смотреть здесь особо нечего. Но...

...и персонал в их столовой далеко не тот, на который засматриваются. Только старые бабули с красными блестящими лицами и шофер, доставляющий продукты. Итого человек пять. И все же Роме было интересно узнать, чем занимаются эти люди за закрытыми дверями кухни – места, куда никого из учеников не пускали.

Рома шагнул ко второй двери. Она была так же приоткрыта, как и все остальные, словно специально ждала его в гости. Он толкнул дверь от себя, и остатки света проникли внутрь небольшого помещения. Рома разглядел высокие шкафы с посудой и другими кухонными принадлежностями. Тазы с ложками, вилками и половниками стояли под шкафом. Над ними располагались тарелки, а над тарелками – чайники. И того и другого было так много, будто здесь обедало несколько спортивных интернатов.

Рома вошел внутрь, нащупал выключатель и нажал на кнопку. Комнату залил яркий белый свет. Теперь у него не оставалось вопросов по поводу предназначения этого места. Посреди помещения стоял большой агрегат, по которому тянулась длинная конвейерная лента с выступами для тарелок. Лента уходила под резиновую занавеску, а затем высвобождалась из-под пластикового купола. По обе стороны от агрегата стояли тазы, доверху наполненные жидкостью. В них лежала посуда, как подумал Рома, для дезинфекции.

Он покрутился вокруг посудомоечной машины, позабыв о голосах в своей голове. Здесь было тесновато, даже если работать одному. Еще Роме не нравился резкий химический запах. Он подозревал, что так пахнет жидкость в тазах. Никуда от нее не деться. По крайней мере, кроме химии и сырости, здесь больше ничем не пахло. Вентилятор над его головой молчал. С лопастей свешивалась паутина.

Рома опустил глаза на посудомоечную машину и снова обратился к звукам.

«Они здесь», – понял он.

Больше всего его удивляло то, что, как бы он ни приближался к своей цели, звук все равно не становился громче. И эта мысль заставила его задуматься. Куда он вообще идет и что хочет увидеть?

Рома покрутил головой, вслушиваясь в пение голосов. Почувствовал, что источник звука находится где-то рядом. Но из посудомоечного цеха наружу вели всего одна дверь и одно окно. Окно было закрыто на замок, а дверь – он только что через нее вошел. И все-таки звук был здесь.

Рома уже собирался прослушивать стены, когда ему в голову пришла идея заглянуть под посудомоечную машину.

Жители холмов знали одну тайну: звук гораздо лучше слышен в низинах или на вершинах, нежели на склонах. Рома не знал, каким образом это работает, но, когда он присел, звук действительно стал ближе. Впервые за столь долгий период тона голосов стали громче. Хотя и не настолько, чтобы он мог распознать в них слова. Дети пели, словно из-под пола.

Озадаченный мальчик почесал затылок и вновь подумал о благоразумии своего поступка. Если сейчас в цех зайдет одна из старух с красным блестящим лицом, ему несдобровать.

Рома провел ладонью по лбу. Ему показалось, что звуков стало несколько: одни летели из-под пола, другие – со стороны двери. Он закусил большой палец, наслаждаясь не то вкусом, не то холодом своей руки, и вдруг увидел под посудомоечной машиной люк. Железная решетка была немного приподнята. Рома посчитал это мистикой, и к мурашкам на коже добавилась дрожь. Он уже не чувствовал в себе прежний азарт. В его голове возникло ощущение обмана. «Какого черта здесь происходит?» – спрашивал он себя.

«Звуки исходят оттуда, – отвечало ему подсознание. – Из люка».

Рома вытянулся, контролируя тени возле входной двери. Кухня была по-прежнему пуста. Но так будет недолго. Кто-то рано или поздно явится сюда и спросит, что он тут забыл. И, пока этого не произошло, Рома нырнул под посудомоечную машину. Он хотел лишь одного: убедиться или опровергнуть то, что звуки исходят из люка.

Посудомоечная машина была громоздкой и низкой. Мальчишке пришлось сложиться в три погибели и ползти на локтях. Он поблагодарил старух за чистоту полов: по их воле он не запачкал локти на рубашке и колени на брюках. Достигнув люка, Рома сдвинул решетку и заглянул во тьму. Он ничего не видел, но слышал. Из четырехугольного проема наружу поднимались всего две вещи: хор детских голосов и запах кухонных нечистот.

– Это же обычная канализация! – не поверил он.

Чуть позже он поймал себя на мысли, что канализационный люк – вполне приемлемая вещь в посудомоечном цехе. Вопрос заключался в другом: откуда в нем звуки?

Рома достал из кармана телефон, включил фонарик и заглянул вниз. Свет был рассеянным и слабым. Он так и не увидел дна, но, как только фонарик включился, тон голосов стал меняться. Сквозь пение просачивались отвратительные вопли. Рома крутил фонариком по углам до тех пор, пока детские голоса не превратились в душераздирающий визг.

«Что происходит?» – спрашивал у себя Рома, а визг неся на него, как ракета. Вскоре от притягательного пения не осталось и следа. Потoki воздуха выбрасывали из глубин канализации зловоние и пар. В тесном пространстве становилось невыносимо жарко. Что-то содрогалось под полом, отчего решетка люка начала звенеть и двигаться прочь от своего места. Рома ощутил страх, и ему почудилось, будто пол под ним раскалывается и он падает вниз – в мутное озеро нечистот, плесени и мусора.

Он выключил фонарик и отполз от люка.

Голоса умолкли. Стало невероятно тихо, и он услышал, как стучат его зубы. Рома уперся головой в балку посудомоечной машины, поджал под себя ноги и просидел так около минуты. Его глаза ничего не видели, но пальцами рук он ощущал, как по полу ползет жар.

Жар поднимался из канализации, где существовало нечто необъяснимое. Оно имело голос и, возможно, что-то еще, но Рома не знал, что. Он открыл глаза и увидел, как над колодезем дрожит воздух. Свет флуоресцентных ламп почти не попадал под посудомоечную машину. Здесь скапливались тени. Рома толкнул решетку на место, люк наполовину закрылся, и трепещущий воздух сместился вправо. Рома выполз из-под машины. Урок подходил к концу, и он очень хотел в туалет. На этот раз по-настоящему.

Глава третья

Дорога на Кабахaha

Пятничным вечером Мария Александровна смотрела капитал-шоу «Поле чудес». С тех пор, как ее муж ушел к другой женщине, минуло много лет, но по сей день она помнила, что их последний скандал случился в тот момент, когда Леонид Якубович открывал букву «у» на квадратной доске. Букв этих в слове оказалось целых три, и именно на три буквы послал ее муж перед тем, как окончательно исчезнуть из семьи. Теперь капитал-шоу «Поле чудес» влияло на нее подобно жестокой ностальгии. С одной стороны, передача отключала ее от школьных передраг, с другой – напоминала о несправедливости жизни.

Она включала телевизор каждую пятницу и замечала, как старел Леонид Якубович и расцветала сцена вокруг него. Через полчаса ее мысли погружались в семью, и она думала о проблемах, по большей части, связанных со старшей дочерью. Не такой хотела ее воспитать Мария Александровна. Основную вину она, конечно, на себя не брала. Виноват был разгульный отец, чьи гены стопроцентно передались дочери. Сколько сил и времени Мария Александровна потратила на ее перевоспитание, не сосчитает никто, но стремление поставить девочку на правильный путь почему-то уходило в никуда. Матери не помог ни опыт, ни усердие, ни молитвы.

В две тысячи семнадцатом году Диане исполнилось восемнадцать. Пять лет назад, когда у нее появился первый мальчик, Мария Александровна тревогу не била, считая это естественным этапом взросления. Но к восемнадцати мальчики стали меняться, как вагоны товарного поезда. Она даже не успевала запоминать их имена, настолько быстро ее дочь заводила новые знакомства.

Начиная с девятого класса, домой Диану регулярно кто-то подвозил. В свою молодость, как вспоминала Мария Александровна, ее посещала большая удача, если с уроков второй смены какой-нибудь учитель провожал ее пару кварталов. Дочку же подвозили весьма симпатичные машины. Кто в них находился, она не знала, а Диана не особо распространялась насчет своих новых друзей. Единственное, в чем была уверена Мария Александровна, – те парни были не из семьдесят седьмой школы. Потому что там она знала всех и каждого, включая пап, которые ходили на родительские собрания только по ее требованию.

Диана оказалась способной баскетболисткой, и уже с четырнадцати лет ее брали на соревнования между старшими классами. Девочка не была высокого роста, но скорость, реакция и точные броски быстро вывели ее из тени на первые места в основных составах команд. В девятом классе Диана стала лучшей баскетболисткой среди сверстниц, но, несмотря на успехи дочери в спорте, Марию Александровну не покидало чудовищное беспокойство: как бы один из ее баскетбольных друзей, коих к десятому классу уже было столько, что и не пропихнуться, преждевременно не наследил на ее репутации. Она давно заметила, что с тех пор, как дочь поступила в институт, тренировками она больше прикрывалась, нежели реально их посещала. Ее настораживал сам факт, что тренировки начинались поздно, вынуждая девочку возвращаться домой не раньше одиннадцати. Также Диану регулярно подвозили на разных машинах, и вид у нее порой был настолько помятый, будто все это время она просидела в тесном шкафу. Девочка избегала ответов на вопросы, кто ее подвозил и почему она так выглядит, и Марии Александровне оставалось только предполагать, что творится с ее дочерью, когда она ускользает за дверь под предлогом тренировок по баскетболу.

В спортивную школу Диана ходила в соответствующем виде. Она никогда не красилась, не носила коротких юбок и не ходила на высоком каблуке. Зато она любила носить обтягивающие легинсы. Порой Марии Александровне казалось, что легинсы слишком обтягивающие,

чтобы считать их за штаны. Но она не делала дочери замечания. В конце концов, все меняется и в моде уже совсем не те вещи, что они носили в восьмидесятых. И юбки сейчас не такие, а про нижнее белье и говорить не приходится. Вся современная мода строилась таким образом, чтобы девушка была как бы голой и одетой одновременно.

Вот и сегодня в восемь вечера Диана собралась на тренировку в черных легинсах, настолько тонких, что можно было распознать контур ее трусов. Она накинула куртку и шапку, и вид ее без труда достиг спортивного. С порога она обычно кричала маме «Пока!». Но в этот вечер в душе Марии Александровны проснулся вулкан, и она решила не ограничиваться одним словом. «Поле чудес» закончилось, и, точно старые тараканы, из углов ее памяти вылезли машины, на которых девочка возвращалась домой, и мальчики, с которыми она видела свою дочь.

Мария Александровна подошла к двери в тот момент, когда Диана обувала кроссовки.

– Во сколько вернешься? – как бы между прочим спросила она.

– Как всегда, – ответила Диана, не поднимая головы.

– «Как всегда» – это во сколько?

Диана оторвалась от обуви и посмотрела на мать так, будто та несла несусветную чушь.

– Во сколько я обычно возвращаюсь, ма?

– Было бы неплохо, если бы ты приходила к десяти.

– Для тебя было бы неплохо, если бы я вообще никуда не уходила. Сидела бы в своей комнате, как собачка на цепке, и учила математику.

– Я так никогда не говорила.

– Но ты всегда имеешь это в виду!

– Тебе не кажется, что ваши тренировки заканчиваются слишком поздно?

– Мы это уже обсуждали.

По ее движениям Мария Александровна уловила, что дочь хочет исчезнуть. Весь разговор она затеяла с одной целью: чтобы узнать правду, ходит ли она на тренировки или гуляет где-то с мальчиками. Но, глядя на то, как лихорадочно девочка натягивает обувь и как резко обрывает всякие попытки общения, Мария Александровна сделала вывод, что вскрывать карты не стоит. Не стоит вообще спрашивать об этом вслух.

Диана вjala с детских лет. Точь-в-точь как ее отец на протяжении всей молодости. Даже если догадки по поводу мальчиков окажутся верны, все равно дочь не сознается. Будет твердить, упрямиться. В итоге они снова поругаются, не будут разговаривать недели две, и все станет только хуже. Поэтому Мария Александровна решила отступить.

Но ненадолго.

– Ну-ну, – протянула она, дожидаясь, пока Диана зашнурует кроссовки и повернется к ней задом. Обычно в такой позе дочь прощалась, а мать желала ей удачи. Сегодня не произошло ни того ни другого.

Уже закрывающейся двери Мария Александровна прокричала:

– Тебя кто-то проводит?

– Нет! – отрезала девочка и побежала к лифту.

Фетль кинулась в свою комнату, надела джинсы и вышла на балкон. Она ждала, когда дочь появится из подъезда. Через пару минут это случилось. Диана не обманула: ее никто не встретил, и Мария Александровна подумала о том, почему на тренировку дочь всегда шла пешком, а обратно возвращалась на машине. Ее это интриговало.

Когда Диана двинулась вверх по улице, Мария Александровна забежала в комнату к Роме, сказала, что сходит к тете Оле, проживающей в квартале от них, а сама пустилась вдогонку за дочерью.

«Сегодня наступит конец твоему вранью, доченька!» – твердила она в лифте. Она не знала, что будет делать, если увидит дочь в объятиях хулигана или нескольких обдолбанных

уродов, но ее культура речи и поведения точно не допустит кровопролития. Она найдет слова. И главным было даже не это: она хотела самой себе доказать то, что чувствовала сердцем. Тренировки по баскетболу давно закончились, от них остались лишь воспоминания. Диана уверенно дурила мать во всем, что было вокруг и внутри нее. А если это правда, значит, у нее есть человек, которому она доверяет больше, чем собственной матери. И нет больше удара, чем такое предательство.

Мария Александровна представила, как ее дочь распинается перед каким-нибудь уродом, которому, разумеется, плевать на все женские тяготы, и только достижение цели заставляет его симулировать интерес. Диана рассказывает ему о своих проблемах, он кивает, а сам тем временем трогает ее в интимных местах. Юная девочка и не подозревает, насколько ему все равно, что там у нее происходит: главное – это приятные ощущения между ног и где-нибудь еще, где у мальчиков сконцентрировано все их достоинство.

Тут ее тряхнуло, потому что лифт достиг первого этажа. Фетль вылетела из подъезда и быстрым шагом двинулась по тротуару вверх по улице. Тетя Оля жила в другой стороне. Но она была уверена, что Рома не оторвется от компьютера, чтобы посмотреть, куда пошла мать. Рома, кстати, тоже в последнее время был какой-то не такой. Но, беспокоясь за дочь, Мария Александровна решила оставить это на потом.

Осенний вечер выдался холодным и лунным. Температура воздуха опустилась ближе к нулю, и Мария Александровна пожалела, что не надела шапку. Она редко носила шапки, предпочитая береты, потому что так ее прическа меньше подвергалась деформации. Сейчас у нее не оказалось ни берета, ни шапки, ни капюшона, ни обычного шарфа или головной повязки. Ничего, чем она могла бы обмотать голову. С холмов дул сильный ветер, и ее уши заледенели.

Улица была пустынна. Луна плавно освещала ее изгибы. Казалось, будто с холмов течет река. Не опуская голову, Фетль быстрым шагом взбиралась вверх. Диана шла в ста пятидесяти метрах от нее. Одна. Погруженная в телефон. На этом участке пути ничего нового Мария Александровна не увидела. Дочь направлялась точно в сторону спортивной школы.

Когда улица изогнулась, и она потеряла Диану из виду, ветер рванул с такой силой, что Фетль едва не оказалась в канаве.левой рукой она успела зацепиться за дерево и остаться на ногах. Отдышавшись, она согнулась буквой «Г» и ускорила шаг. В следующий раз она увидела дочь переходящей улицу по направлению к отделению Сбербанка. За ним располагался маленький сквер, где молодежь зависала летом, а сейчас было холодно, как в аду. Она прошла около километра. Еще метров триста ей предстояло пройти, а нагрузка уже ощущалась всем телом. Она шла навстречу ветру, дышать было трудно, сердце бешено билось в груди, и, если бы не материнский страх за своего ребенка, она бы давно повернула назад.

Диана миновала узкий перешеек улицы и скрылась за старой пятиэтажкой. Чтобы обезопасить себя от нежелательных последствий, Мария Александровна перешла улицу раньше и двинулась вокруг здания с другой стороны. Она знала, что это не самый лучший путь, но наткнуться на дочь, которая случайно остановилась в сквере, чтобы дописать сообщение одному из своих ухажеров, она не хотела. Слежка закончилась бы провалом.

На первом этаже пятиэтажки располагалось ухоженное отделение Сбербанка, где было довольно светло и чисто, но вот со всех остальных сторон здание доверия не внушало. Фетль выбрала путь мимо мусорных баков, где иногда спали бомжи, лазали бездомные собаки и был риск запутаться в дебрях дикой ежевики. Район находился на отшибе, и так получилось, что местные власти и коммунальные службы вообще не заботились о состоянии жилых зон. Вторым таким районом была Мефодиевка, где Фетль прожила два года.

Обходной путь занял десять минут. Вся тыльная сторона Сбербанка пропиталась такой вонью, будто люди из окон не только выбрасывали мусор, но и справляли более острые нужды, чтобы не пачкать свои туалеты. Оставив ужасную зону позади, Фетль влезла в дебри ежевики.

И если бы вечер не был таким лунным, вероятность выбраться из них была бы минимальной. Благодаря лунному сиянию, она видела места, где ежевика была примятой. Туда она и ступала. Собрав на себе гору колючек, Мария Александровна выбралась к скверу, остановилась в темном месте, где кроны деревьев закрывали ее от луны, а стена Сбербанка – от центральной части сквера, и присмотрелась.

Диана пересекала стоянку. Ее голова была опущена в телефон, а ноги неслись к дверям спортивной школы.

«Выходит, я ошиблась», – вздохнула Мария Александровна.

Но от какого-то сумрака в своем сознании она избавилась. И пока ее голени чесались от колючек, она дышала с облегчением, будто только сейчас поняла, насколько большая глупость ее охватила. Она хотела вернуться домой, но решила подождать еще. Такой она была женщиной – нетерпеливой и все время ожидающей подвоха. Фетль считала, что стала такой после замужества. Муж своим поведением научил ее не только чувствовать подвохи, но и убеждаться в них. И она не могла себе препятствовать. Фетль вышла из укрытия и двинулась к стоянке.

В окрестностях спортивной школы ветер дул затяжными порывами. Кроны старых тополей скрипели, как ржавые гайки. Свет фонарей мерцал. Мусорные баки были перевернутыми, и по дорожкам летали пластиковые пакеты. Пока Мария Александровна двигалась к спортивной школе, ее голова разболелась, и она вновь задумалась о том, чтобы повернуть назад. Глупая привычка беспокоиться за неочевидные вещи не остановила ее. Она перебежала парковку и спряталась за стеной вблизи центрального входа.

Отсюда дочь не могла ее заметить, и она понадеялась, что окна спортивного зала, где тренируются девочки, тоже не выходят на эту сторону. К тому же, если дочь пришла на , ей будет некогда смотреть по сторонам. Поэтому она могла расслабиться – если бы не ужасный холод и если бы она не промахнулась с одеждой. *тренировку*

Так, переминаясь с ноги на ногу, Фетль простояла полчаса. Когда холод окончательно достал ее, она нашла на стоянке машину с табличкой «Такси» и, не задумываясь, направилась к ней. Терпеть больше не было сил.

– А я давно вас заметил, – пропел таксист, когда Фетль нависла над его окном.

Вид мужчины кавказского происхождения не внушал ей доверия, но, сев в теплую машину, пропахшую сигаретными окурками и дешевым одеколоном, она едва не заплакала от счастья. Ее уши начали согреваться. Перед глазами поплыл легкий туман. Мария Александровна с удовольствием закрыла веки и откинулась на сиденье.

– Куда едем, мадам? – спросил водитель.

– Никуда, – ответила Фетль. – Стоим.

Ответ таксиста не смутил. Видимо, в такую погоду ему нередко попадались клиенты, которые просто желали погреться. Он завел мотор и подкрутил печку. Тепла в машине стало еще больше, и через несколько минут язык Марии Александровны развязался.

– Прошу прощения за такой визит, но мне правда никуда ехать не надо. Я бы только посидела у вас минут десять.

– А-а-а... – хмыкнул таксист. На его круглом лице появилось легкое разочарование.

– Конечно, не бесплатно. Я заплачу вам, сколько положено.

– Нет проблем, мадам. – Теперь он выкрутил печку на всю мощь.

Машина наполнилась теплом и пылью. Мария Александровна прикрыла нос и вдруг вспомнила, что не взяла с собой кошелек. Она ощупала карманы и в одном из них нашла два полтинника и три десяти.

– Возможно, мне придется посидеть немного дольше. У меня есть... – Она пересчитала деньги и сказала: – Сто тридцать рублей.

– Нет проблем, мадам, – повторил таксист. – За сто тридцать я вас даже подвезу, если вы живете в окрестностях этого района. И даже если живете где-нибудь не здесь, я вас тоже подвезу. В такую ужасную погоду оставлять женщину на улице... это не по-мужски.

«Какой галантный, – подумала Фетль. – Прямо как мой бывший муж в свои лучшие годы».

– Могу я узнать, что занесло вас в наши края в такое позднее время? Обычно я катаю только парней и девушек после их тренировок.

– Я... – Она склонила голову к окну. Ей показалось, что Диана вышла на крыльцо и с кем-то разговаривает по телефону. Но она ошиблась: это была другая девочка. – Я жду свою дочь.

– Уверен, что она спортсменка.

– Да. Так и есть.

– Во сколько у нее заканчивается тренировка?

– Где-то через час. Надеюсь, она не задержится.

– Обычно народ валит отсюда после десяти. Баскетболисты, волейболисты, девушки, юноши. Странные люди, честно вам скажу.

– Что же в них странного? – удивилась Фетль.

Отогревшись, она чувствовала себя намного лучше.

– Наверное, ничего, – ответил таксист. – Но это только на первый взгляд.

Он улыбнулся и сел к Фетль вполоборота. Теперь она могла рассмотреть его густые брови и узкие сухие губы. Внешне мужчина ее не привлекал, но у него был строгий и громкий голос, который перекрывал шум вентилятора, не прибегая к надрыву. Она любила, когда мужчины говорили всей грудью. И считала, что такой голос позволяет даже скудной речи быть прямой, жесткой и угрожающей.

– Можете мне не верить, но с недавних пор я стал свидетелем одного интересного вей-ния. Некоторые спортсмены приходят сюда якобы на тренировку, а сами едут развлекаться на кладбище.

Фетль почувствовала, как екнуло сердце.

– Но, я думаю, ваша дочка – хорошая девочка. – Таксист глянул в сторону спортзала. – И она не пойдет...

– Прошу прощения, – перебила его Фетль, – я не поняла, что значит «развлекаться на кладбище»?

– А-а-а! – Таксист повернулся к ней еще больше. Теперь его глаза блуждали по задней части салона. Фетль видела, что делать это было неудобно, но таксист терпел. – Вы точно не отсюда, не то знали бы такие истории. Мне уже не раз приходилось их рассказывать, но почему-то люди до сих пор убеждены, что все таксисты – сказочники. Я не сказочник, мадам. Если вы ходите услышать историю про кладбище, которая, впрочем, не совсем про кладбище, то я вам расскажу. Только не надо смотреть на меня, как на сумасшедшего. Договорились?

Все это он произнес на одном дыхании. Фетль подумала, что если бы хоть один из ее учеников мог так пересказывать тексты Толстого и Достоевского, ее бы давно позвали в администрацию города. Еще ей нравилось, что таксист не кричал. И пусть ее раздражали некоторые вещи, но она чувствовала в нем простодушие и открытость.

– Обещаю, что не стану смотреть на вас, как на сумасшедшего, – сказала Мария Александровна.

Таксист усмехнулся.

– В общем, вы, наверное, слышали о такой огромной нефтяной компании, как «Роснефть»?

– Конечно, – призналась Фетль. – Мой бывший муж любил заправляться на АЗС «Роснефть». Там еще есть магазинчик «Подсолнух», с туалетом. Очень удобно.

– Да, – кивнул таксист. – Так вот, в конце девяностых «Роснефть» задумала построить терминал на самом пике горы Колдун. Идея была такова: затраты на насосную перекачку слишком большие, погрузка танкера занимает много времени, а если терминал будет на высокой горе, то грузить наливные суда они смогут быстрее, под большим давлением и с меньшими расходами. Никаких насосов, турбин и прочего. Выгодно, так ведь?

Он прокашлялся и потянулся за сигаретой. Фетль состроила печальную мину и вежливо попросила не курить до конца рассказа.

– Хорошо, мадам, – согласился таксист и, обрадованный тем, что его наконец-то внимательно слушают, продолжил: – Вроде бы терминал был спроектирован на северной стороне горы, там, где трубы шли с наибольшим уклоном и не пересекались с курортными поселками. Даже не потребовалось закапывать их в землю. Экспериментальную трубу уложили точно в ложбину между холмами. В километре слева оставалась Широкая Балка, в десяти километрах справа – Южная Озереевка. И тут начались первые проблемы.

– Какие же? – Фетль изумило то, что у миллиардеров, управляющих главным богатством страны, вообще могут быть какие-то проблемы.

– Главная труба, которая шла со стороны Краснодара, должна была пройти под новым кладбищем Кабахаха. Рыть траншею через все кладбище было запрещено из этических соображений. Попробовали изменить проект и пустить трубу в обход. Но грунт вокруг кладбища был очень рыхлым, и по закладке возникли споры.

– Что сложного в том, чтобы сунуть трубу в землю? Это же не метро, куда спускаются люди! Это всего лишь труба!

– Эта труба размером с метро, мадам. Вы могли бы пройти внутри нее, не наклоняясь, – сказал он, словно на презентации удивительного открытия.

– Господи Боже! И что они решили? – не выдержала Фетль.

– Они пробурили глубокий тоннель под старым кладбищем.

– Какие молодцы! – Мария Александровна почувствовала, что рассказ о технических сооружениях не несет в себе смысла. Тогда она перевела его в более интересное русло: – Сколько же им пришлось за это заплатить?

– Я не знаю, мадам. Но проблемы на том не закончились. За старым кладбищем Кабахаха начинается гора Колдун. Как только они достигли ее, стали происходить необычные вещи. Отказы оборудования, неверные данные с приборов и все такое. Прямо как предзнаменование чего-то плохого. Конечно, директора, вложившие в свой проект огромные деньги, не захотели отказываться от строительства и решили пойти на эксперимент. Прорыли несколько технологических отверстий. Все они устремлялись к северной части горы, где уже разравнивали участок под терминал. А потом приехала какая-то инспекция по расследованию того, что происходит с оборудованием, и выявила сильные магнитные потоки, исходящие из недр горы. Представляете, Колдун обладает естественным магнетизмом!

– Удивительно!

– Вы слышали про Тунгусский метеорит? Территория была признана аномальной из-за сильного магнетизма. Так вот, у нас появилась своя страшная байка.

– И что же, по-вашему, породило этот магнетизм?

Таксист вытаращил глаза и задумался, рождая верный ответ.

– Этого никому знать не дано. Загадка Земли. Все-таки не зря наша гора называется Колдун. И не зря ее обставили легендами вдоль и поперек. Что-то нехорошее лежит в ее недрах. Может быть, поэтому фашисты и не смогли захватить Новороссийск.

«В их танках не работал навигатор», – усмехнулась про себя Фетль.

Таксист покачал головой.

– Мне кажется, вы согрелись, мадам. Я бы сделал печку потише, а то гудит, как паровоз.

– Да, конечно, – ответила она, а про себя подумала, что больше всего согрелись ее уши. – И что же было дальше? Вы не закончили про терминал и про...

– Да-да! – подхватил таксист. – Как вы, наверное, догадываетесь, строительство терминала было остановлено. Одной из причин указали плохой грунт. Я никогда там не был, но говорят, технологические отверстия в горе ничем не закрыты. Сеть тоннелей теперь принадлежит молодежи, прущей туда из-за недостатка адреналина. Такой вид развлечения называют индустриальным туризмом.

– Не слышала о таком. – Фетль потерла уши.

– Там очень опасно, – вздохнул таксист. – Дожди могут сотворить оползень, и те ребята, что, не дай бог, останутся под землей... Понимаете, у них не будет шанса выбраться. С ними никто не свяжется, потому что из-за магнитных потоков там не работает ни рация, ни телефон, ни интернет, ни GPS. Ничего.

Он вновь покачал головой, а Фетль подумала о дочери. Она потерла кончики пальцев... и вдруг увидела перед собой беспросветный тоннель, откуда исходит зловонный запах грязи и ржавого железа.

– Надеюсь, ваша девочка пребывает в здравом уме и никогда не пойдет туда в поисках приключений. – Он сделал вид, будто переживает за Диану. Фетль показалось, что она общается не с таксистом, а со следователем, который изо всех сил пытается ее расколоть. – Не думаю, что она была одной из тех, кого я подвозил позавчера в этом же часу.

– Я тоже на это надеюсь, – протянула Мария Александровна. – А не могли бы вы описать внешность тех девочек? И сколько их было?

– Разумеется. – Таксист закрыл глаза, вспоминая. – Две девочки. Одинакового роста. Примерно, как вы. Одна была в синей куртке, синих джинсах. Короткие светлые волосы. На вид не старше двадцати. Вторая была в белой куртке и черном трико. Длинные волосы. На голове у нее был капюшон...

– Откуда вы знаете, что у нее были длинные волосы? – не удержалась Фетль. Сердце ее сжималось от нетерпения. Диана всегда выкладывала косу на грудь, если надевала капюшон. У нее были удивительные волосы, и она хотела, чтобы ими любовались все.

– Ее коса свешивалась вот так. – Таксист провел линию по своей груди. – Очень красивые волосы. Редкость для спортсменок. Поэтому я и решил, что они просто проходили мимо. Я давно заметил, что девочки из спортивной школы убирают волосы в пучок на затылке. Наверное, потому что они мешают бегать. А здесь было наоборот.

«Как он подмечает тонкости, – подумала Фетль. – Не зря пасется здесь каждый вечер. Ждет одинокую красавицу?»

– Вы не спрашивали, как их...

– Нет, мадам! – Таксист повернулся к ней так резко, что у него хрустнула шея. – Я не спрашивал, хотя рад был спросить. Очень часто девочки неправильно трактуют болтливость таксистов. Они думают, что их домогаются, и потом рассказывают все родителям и подругам. От этого страдает мой бизнес. В мою машину не садятся, потому что кто-то кому-то сказал, будто мужик на серебристой «девятке» пытается к ним прицепиться. У меня есть жена и дети. И сейчас деньги и работа для меня важнее всего. Понимаете?

– Я вас понимаю.

– Я не спрашивал их имена. И вообще, когда ко мне в машину садятся молодые девочки, а садятся они всегда сзади, а не спереди, я держу рот на замке. Они говорят мне, куда ехать, и я еду.

– И куда вы их отвезли?

– На старое кладбище. Я высадил их возле ворот. Там уже стояли другие машины. Они прячут их в подлеске, чтобы не видели сторожа.

– А что будет, если увидят сторожа?

– Кто-то обязательно вызовет полицию. А полиция – это неприятности. Могут оштрафовать за административное нарушение.

– За какое административное нарушение? Если они не вторгались на территорию кладбища... Или, чтобы влезть в эти технологические тоннели, нужно...

– Именно так! За кладбищем очень глубокий обрыв. Там не пройти. Обычно они лезут через забор... и так далее.

Фетль ненадолго успокоилась. Представить свою дочь на кладбище она никак не могла. И пусть характер у Дианы был отцовский, а того всегда тянуло на приключения, она не верила, что ее дочь станет прыгать через кладбищенские заборы, чтобы полазить в каких-то трубах.

– Странно все это, – пробормотала она.

– Ничего странного, мадам. – Таксист поправил зеркало заднего вида, и Фетль ощутила на себе его взгляд. – Сами подумайте, почему люди спускаются в катакомбы? Там ведь опасно, а люди лезут туда на свой страх и риск. Так и здесь. Все из-за тяги к острым ощущениям. Молодежь становится ближе друг к другу. Но я еще раз повторяю: это очень опасная затея. Иногда я пытаюсь отговорить подростков, которые едут туда в поисках адреналина. Но меня никто не слушает. У молодежи свои правила. Думаю, что однажды произойдет несчастный случай и власти сделают ограждение вдоль дороги на Широкую Балку. Колдун должен быть отрезан от людей.

– Как по-вашему, почему несчастных случаев не было до сих пор? Или были?

– Видимо, Всевышний хранит наших детей. Не иначе. К тому же... – Он нахмурился, посмотрел на крыльцо спортивной школы и продолжил: – Их не так много. Вот видите, вы же не знали про терминал. И не узнали бы, если бы я вам не рассказал.

– Верно, – призналась Мария Александровна. И тут из дверей спортивной школы вышла Диана.

Фетль вжалась в сиденье, и беседа прекратилась. По внешнему виду дочери она поняла: тренировка закончилась, не начавшись. За Дианой на крыльцо вышел высокий парень. Он выкурил сигарету, после чего они спустились к стоянке и сели в синюю «Мазду». Мотор завелся.

Фетль растерялась. Она не знала, что предпринять. Выскочить из машины и броситься вслед за дочерью? Упрекнуть ее в том, что, вместо тренировок, она катается по городу с мальчишками? Мария Александровна не могла сейчас пойти на такой шаг и сделала то, что подсказывал ей внутренний голос.

– Едем.

Таксист встрепенулся:

– Куда?

– За вон той машиной. – Она указала на «Мазду», медленно выезжающую из парковочной зоны. – Там моя дочь. И с ней какой-то друг.

– О-о-о, мадам, я знаю эту машину. – Таксист покачал головой. – Даю слово, что они едут именно туда.

Фетль прокашлялась. Дыхание перехватило, и внезапно ей стало так душно, что она попросила выключить печку и открыть окно.

– Здесь паркуются всего три «Мазды шестерки». Все они одного цвета. Если не путаю, за такой же «Маздой» я ехал пару недель назад.

– Туда?

– Да.

Фетль больше не хотела не о чем думать и уставилась в блестящий обтекаемый кузов машины.

«Там моя дочь», – с ужасом понимала она. А за рулем – какой-то мудака.

«Мудака» аккуратно выехал со стоянки и пустился вниз по дороге, ведущей через сквер.

– Не переживайте, мадам, мы их не упустим, – пообещал таксист, и их машину тут же тряхнуло.

Зубы Фетль чуть не выскочили изо рта. Ее подбросило, макушка головы ударилась в старый дерматин. Водительская дверца произвольно открылась, а в багажнике загремело железо. Таксист ругал некачественные дороги, не соизволив обвинить себя в том, что въехал в единственную яму на парковке. Он резко крутанул руль вправо, едва не зацепив бордюр, и Мария Александровна схватилась за ручку, чтобы не оказаться в другом углу салона. В следующий момент таксист крутанул руль в другую сторону и чуть не зацепил распахнутой дверцей стоящую на парковке машину. Когда маневры прекратились, и они выехали на ровную дорогу, «Мазда» уже убежала от них. Фетль видела, как зажегся левый поворотник. Машина пропустила поток встречного транспорта, потом свернула и помчалась вверх по улице Осоавиахима.

«Нам следует ехать быстрее», – пронеслось у нее в голове.

Таксист надавил на педаль, старенькая «девятка» ускорилась, но когда они достигли поворота, им снова пришлось остановиться. Поток транспорта по главной улице задержал их еще на полторы минуты. К тому времени, как они свернули на улицу Осоавиахима, «Мазда» уже исчезла из виду.

Таксист помчался вперед, превышая допустимый порог скорости. Несколько раз их подбросило, и Фетль снова ударилась головой о крышу. Причем так сильно, что хотела сообщить об этом водителю, но мысли о дочери торопили ее. Она хотела увидеть «Мазду», хотя не осознавала, что будет делать, если они ее все же настигнут.

Они обогнали несколько машин на коротком участке пути. Таксист разогнался так, что Фетль забеспокоилась за свою жизнь. Она никогда не водила машину, но знала, что сплошную линию пересекать нельзя. Равно, как и совершать обгон на таких изгибах, где ничего не видно впереди. Вскоре ее отпустило. Они выехали на пустую дорогу, поднимающуюся на холмы. Школа осталась позади. Улица покрылась маленькими домиками. В лобовое стекло задул сумасшедший ветер. Мотор ревел так, что закладывало уши, и чем выше они забирались на холм, тем медленнее становилась их скорость.

Фетль отвлеклась от дороги и посмотрела вниз, на далекие огни города. Центральная часть Новороссийска находилась во впадине, и пусть наилучший вид принадлежал горам с противоположной стороны бухты, отсюда она видела не менее восхитительное зрелище. Город словно горел.

Машина описала очередной изгиб, и огни пропали. Каменистые склоны покрыли можжевельники. Фонари исчезли, и дорога стала такой темной, будто они ехали под землей. Фетль вытащила платок из нагрудного кармана и провела им по лбу. За последние полчаса она успела замерзнуть и согреться до капелек пота. Никогда путь на кладбище Кабахаха не заставлял ее так нервничать.

Склон по правой стороне поднимался все выше. Скала в его основании была настолько крепкой, словно ее заколдовали. Где-то на ее остроконечной возвышенности уже начинались могилы старого кладбища. Свет фар резал темноту, и Фетль казалось, что кто-то из молодежи обязательно кинет в них камнем. До ворот кладбища оставалась пара сотен метров, когда таксист произнес:

– Странно, мадам. Мы гнали с такой скоростью и до сих пор их не настигли.

– Возможно, они ехали еще быстрее, – предположила Фетль.

– Не думаю. Я и так ехал на пределе возможного. Никогда не повторяйте моих шалостей. Я просто хотел вам помочь.

– Я... – Она замылась и в любом другом случае поблагодарила бы водителя за проявленный профессионализм. Но тут Фетль вспомнила, как они выезжали со стоянки, и нахмурилась.

– Дорога здесь имеет жуткий серпантин, и перестраиваться на полосу встречного движения очень опасно. Только что мы проехали последний перекресток, который уходит в город.

Отсюда начинается трасса на Широкую Балку. Зимой туда никто не ездит, поэтому трасса пустая, и, вполне возможно, они здесь разогнались. Поэтому мы их не видим. Я проеду до того места, где в прошлый раз высадил девочек, но... что-то мне подсказывает, что ваша дочь с тем другом свернула в город на одном из перекрестков.

Фетль не знала, радоваться этому или нет. Если не чертовы тоннели, то куда же она ходит во время тренировок? Догадка сама просилась в голову: Диана гуляет с мальчиками где-то еще. Какая разница, где: в клубе, в парке или у кого-нибудь на квартире. Ей этого не узнать. Главное, что она нашла подтверждение своим опасениям.

Возле ворот кладбища таксист сбавил ход. Не останавливаясь, они глянули на окна сторожевой будки: те были заколочены фанерными щитами. На воротах висела цепь с замком. Ветер мотал ее, как тряпку, и цепь звенела, распространяя такой лязг, словно на кладбище развернулось строительство.

– Никого, – прокомментировал таксист. – Как и в прошлый раз. Власти оставили только одного сторожа, который сидит у ворот нового кладбища. Теперь понимаете, почему молодежь предпочитает входить отсюда?

– Да. – Фетль представила себя перелезающей через ворота кладбища и вздрогнула.

Таксист остановил машину.

– Дальше ехать бессмысленно. Они собираются вон там, за поворотом. – Он указал на съезд с дороги, и Мария Александровна подумала, что для такой машины, как эта, подобный поворот окажется началом бобслейной трассы.

– Здесь вы их высадили?

– Да. Их уже ждали парни. Они подождали, пока я развернусь, а потом пошли к воротам. Я тогда остановился, чтобы проверить воздушный фильтр. Машина чихала, когда взбиралась на гору.

– И куда они пошли? Где находятся эти тоннели?

– Я знаю, что заброшенная труба находится на противоположной стороне кладбища. В светлое время суток вы можете увидеть ее. А про тоннели не знаю. Где-то под склоном. Я там никогда не был, только слышал.

Таксист включил первую передачу и развернул машину.

– Лучше я отвезу вас домой, мадам. Вы выглядите очень уставшей. Наверное, это из-за дочери. По крайней мере, сегодня вы убедились, что она поехала не сюда. Это уже большой плюс. Здесь очень опасно.

– И жутко, – добавила Фетль.

Они покатались с горы.

Мария Александровна нервно утирала со лба пот. Она не верила, что дошла до такой крайности. Выскочить под вечер из дома, чтобы проследить за дочерью и оказаться на холмах рядом с кладбищем. Это было ужасно. Ее била дрожь, и она чувствовала себя такой разбитой, словно пережила три развода вместо одного. Она хотела в кровать. Хотела выпить чашку чая с молоком, посмотреть телевизор и крепко заснуть. Разумеется, она не заснет, пока Диана не вернется с гулянки. И пусть она ей все равно ничего не скажет, ее душа будет спокойна за дочь. Когда семья в доме, всегда спокойно.

Кладбище удалялось, и Фетль медленно приходила в себя. Вскоре замелькали пустые улочки, мигающие светофоры, появились встречные машины. Они въехали в город.

Глава четвертая

Прояснение

Ноябрь подходил к концу, темнело рано, и после шестого урока школа погружалась в бледный свет, который давали фонари, расположенные на центральной аллее. С трех других сторон здание поглощал непроглядный мрак, и ни дети, ни взрослые, никто другой из разумных жителей этого района не появлялись на глухих аллеях после того, как закат окончательно прятал солнце под землю. От центрального входа к улице Осоавиахима вела узкая дорожка, не имеющая ни одного фонаря, но выложенная самой лучшей тротуарной плиткой, на какую только отважились городские власти. Днем этот участок пути выглядел просто и красиво. С наступлением темноты все менялось с точностью до наоборот, и дети второй смены обычно пересекали его группами вместе с преподавателями. К Роме и Антону это не относилось. Как-то раз они возвращались домой и, не дойдя сотни метров до улицы Осоавиахима, Дикий спросил:

– Ром, я похож на сумасшедшего?

Рома усмехнулся. В темноте он видел только очертания друга.

– Ты похож на ботаника, Дик. Выпрямись, одерни куртку и повесь портфель на одно плечо.

Антон сделал все, что ему велели.

– Так лучше?

– Зачет! – Рома хлопнул его по спине. – Но все равно чего-то не хватает.

– Я серьезно! – Он повысил голос. – Я похож на идиота?

– В смысле? – Рома нахмурился. – Почему ты должен быть похож на идиота? Скорее, я выгляжу, как идиот. Я же получил двойку по алгебре, а не ты.

– Я не про это.

– А про что?

Обычно по дороге из школы они говорили о том, как скрыть от родителей плохие оценки, чтобы пойти на тренировку по боксу. Сегодня разговор не клеился, потому что тренировки все равно не предвиделось, и вечер был мерзким, дождливым и холодным.

– Дик, что случилось? Не томи, рассказывай. Только что-нибудь хорошее. Потому что день был полное д...

– Наверное, такое может показаться только чокнутому. – Антон опустил голову и замедлил шаг. – Но сегодня во время занятий я слышал в школе удивительное пение. Разумеется, ты скажешь: «Ну, и что такого? В школе можно услышать много чего поинтереснее!» Но этот звук был настолько притягательным, как будто меня звали ангелы.

Антон вздохнул, будто сожалел, что его звали именно ангелы. Портфель начал сползать с плеча, и он рывком забросил его назад. Такими же рывками продолжилась его речь:

– Я идиот, да?

Рома хмыкнул. Он подумал о недавнем случае в школьной столовой и понял, что разговор требует внимания. Про то, что случилось на днях, он рассказывал только сестре. И лучше бы не рассказывал, потому что Диана послала его к черту на третьем предложении. Но мнение сестры его нисколько не смутило. Диана хоть и училась хорошо, и выглядела на пять с плюсом, и играла в баскет, отношения между ними давно вышли из берегов, и время от времени они жаловались друг на друга маме. Рома посчитал хорошим знаком то, что сестра не отнеслась к нему всерьез. Она ничего не разболтала маме, а мама ничего не спросила у него. Он уже почти забыл эту историю, как вдруг она вспыхнула вновь, да так ярко, что Рома был до крайней степени озадачен.

– Ты не идиот, Дик, – строго сказал он. – Нам пора переходить улицу. Дальше будет грязь по колено.

Они спустились к многоэтажкам. Дорога здесь была заасфальтирована, но это место никогда не внушало ребятам оптимизма. Между домами было темно и тесно. Там не горели фонари, а в подъездах зажимались парочки нетрезвых ребят и девчат. Иногда ребят и девчат тянуло на приключения, и они бросали в прохожих бутылки из-под пива или наполненные водой презервативы. Рома не любил ходить через дворы, но идти в обход и тратить на дорогу час, вместо того, чтобы добраться до дома за пятнадцать минут, он не хотел. Когда они углубились в темные закоулки, он спросил:

– Где ты слышал пение?

Антон оживился:

– Так ты мне веришь?

– Верю, как своей матери. Поэтому давай поподробнее.

Заметив движение в одном из подъездов, Рома потянул друга за куртку и направил в обход злополучного места.

– Помнишь, сегодня я ушел с физики? Это было на четвертом уроке.

Рома помотал головой.

– Обычно я никогда не ухожу с уроков, но сегодня мне так приспичило, что терпеть было невмозможу. – Антон пнул бутылку, оставленную посреди дороги. Бутылка оказалась стеклянной, и через мгновение раздался громкий звон бьющегося стекла. Мальчишки прибавили ходу. Из подъезда, который они обходили, кто-то вышел и бросил им вслед несколько грубых фраз. Они зашли за дом и рассмеялись.

– Я думал, она пластиковая! – прошипел Антон.

– В следующий раз бей потихоньку. – Рома стянул с себя шапку и утер взмокший лоб. – Но разлетелась она офигенно!

– Ага!

Когда смех унялся, Рома напомнил:

– Ты отвлекся от своего рассказа.

Они двинулись дальше по улице.

– В общем, я шел по коридору. Точнее не шел, а бежал, потому что приперло меня так сильно, что я уже не надеялся успеть. Тетя меня который раз травит каким-то острым омлетом. А у меня к нему кишечная непереносимость. – Антон сжал зубы. – Говорил ей, чтобы она не готовила мне завтрак, а она все равно готовит.

– Ты не ешь. Откажись.

– Меня отец потом ругает. Он говорит, что отказываться в моей ситуации неприлично. Я уже отказался один раз, потом он об мою спину метлу сломал. Сказал, чтобы я себя так с тетей не вел. Мои отказы ранят ее душу. Она начинает плохо себя чувствовать. Но готовит она одинаково хреново, что в хорошем самочувствии, что в плохом.

Антон прокашлялся и вернул портфель на оба плеча.

– Неудобно так. Лучше как ботан буду ходить.

– Ты можешь рассказывать, не прерываясь? – попросил Рома.

– Я залетел в туалет, выбрал самую лучшую кабинку и засел там. Никого не было. Школа точно вымерла. На первом этаже стояла гробовая тишина, и я даже немного побаивался, что меня может услышать кто-нибудь из гардероба. Тетины завтраки вылетают, как ядра из пушки, едва успеешь прицелиться. Но в этот раз я даже не успел расслабиться, как услышал пение.

Антон всплеснул руками. Опасные дворы остались позади, и он говорил в полный голос.

– Такое теплое и душевное, как волшебство. А я сижу с голым задом, дожидаясь, когда чертов завтрак вылетит, и дождаться не могу.

– Офигеть! – произнес Рома и решил уточнить: – Ты услышал пение, сидя на очке?

– Да! – выпалил Антон. – Но самое интересное заключалось не в этом. Я начал искать, откуда доносится звук, потому что чувствовал его совсем рядом. Как будто голоса пели во мне. И знаешь, что я обнаружил?

– Даже не догадываюсь.

– Они исходили из трубы!

– Не понял.

– Из канализационной трубы!

Рома призадумался. Кое-что сходилась в его голове, кое-что – нет.

– Мамой клянусь, эти голоса шли оттуда! Я надел штаны и кинулся в другую кабинку. То же самое. И в третьей кабинке тоже.

– Дик, это шизофрения какая-то, но я тоже их слышал. – Рома передал подробности своей истории. После его рассказа Антон почувствовал облегчение. «Как хорошо, что я не один такой», – прочел Рома на его лице.

– И знаешь, что, Дик? Мы должны проверить эту штуку.

– Какую?

– Песнопения. Мы подключим пару одноклассников, и если они подтвердят, мы расскажем об этом всей школе!

Антон поморщился:

– Даже если нам поверят, чего мы добьемся?

– Признания! Может, мы стоим на пороге великого открытия!

– Сомневаюсь, что пение из канализационных труб кто-нибудь воспримет, как великое открытие.

– Верь мне! – Рома сжал кулаки. Он и сам не знал, что делает, но у него было такое чувство, будто он переплыл реку. Настолько уверенно он относился к своему решению. – Завтра сделаем эксперимент. Возьмем с собой Колю и Макса, и сходим вместе в столовую на проверку. Если и они услышат эти звуки, значит...

– А как мы отпросимся?

– У нас первым уроком физкультура. Мы сбежим!

– А поварихи? Они же все на кухне на первом уроке.

– Поварихи... – пробормотал Рома. Поразмыслив, он сказал: – Я услышал голоса возле гардероба. Если все так, то никому не придется идти на кухню.

– А если ничего не услышим, то проверим туалет.

– Точно!

– И что тогда? – Антон остановился. – Допустим, мы все услышим одно и то же. Каков следующий шаг?

– Я же говорил. – Рома одернул задрвшуюся куртку. – Мы расскажем об этом всей школе. Сначала Елизавете Петровне, потому что она заведует школьной стенгазетой. Наше открытие мы назовем феноменом века и дадим краткое интервью, как предзнаменование большого события. Потом наши фото появятся на стенде на первом этаже, и вся школа будет говорить о нас, как о героях современности. Дело обязательно получит резонанс. Приедут ученые, начнут все изучать. Будут спрашивать нас о всяких штуках. Поэтому нам предстоит хорошо подготовиться. Придумать что-нибудь интересное. Ты не можешь просто сказать: я сидел на толчке и внезапно услышал под собой странный звук. Нужно обоснование.

Рома улыбнулся. Увидев себя в центре внимания одноклассниц, он почувствовал счастье. Антон его веселья не разделял.

– Не волнуйся! – Рома похлопал его по плечу. – Сейчас самое главное – доказать, что феномен существует. А дальше все пойдет само собой.

Они прошли мимо Сбербанка, и он обратил внимание на мусорные баки с тыльной стороны здания. В одном из них маленькая дворняга пыталась откопать себе ужин. На другом

баке кто-то аккуратно разложил женские трусы, словно выставил на продажу. Красные и белые. Рома остановился, задумавшись о том, как хорошо женское белье смотрится в ненастный день.

– Ты чего? – Антон притормозил.

Рома обернулся:

– Ничего. Просто увидел собачку.

– Говорят, там болото. – Антон указал на поляну, раскинувшуюся позади мусорных баков.

– Мы живем в километре от этих зарослей и никогда там не были. – Рома решил отвлечься от женского белья.

Он не понимал, что за чертовщина творилась в его голове, но все чаще заглядывался на попы своих одноклассниц с одной целью: по выпуклостям резинок определить, какие на них трусы. Это почти превратилось в манию. Самое худшее заключалось в том, что его взгляд скользил не только по попам одноклассниц. Изредка он заглядывался на зад собственной сестры, которая в кое-то веки перестала бегать по дому в нижнем белье и дверь в свою комнату теперь держала закрытой.

– Болото и болото. А вокруг только дикая ежевика.

– Так есть там болото или нет?

– Говорят! – повторил Антон. – Я сам там не был, но пацаны говорят. Может, оно там только в сезон дождей или когда во дворах забивается канализация. Вонючее место. Там часто бывает Коля Жуков. Можешь у него все узнать.

Они повернули к пешеходному переходу. По дороге неслись машины. Заканчивался вечерний час пик.

– Мама собирается на какую-то конференцию, – вспомнил Рома, как только физиономия Коли Жукова возникла перед его глазами.

– Когда?

– В следующий четверг. Ее не будет дома три дня.

– Отлично! – обрадовался Антон. – Забурился к тебе на всю ночь и поиграем в «Плейстейшн».

– Было бы здорово, только «Плейстейшн» еще надо достать. У Коли что-то с блоком питания, а Макс Неведров просто так не даст. Его придется брать с собой. А я не хочу с ним связываться.

– Коля рубится каждый день. – Антон заметил на тротуаре бутылку, но трогать ее не стал.

– А мне сказал, что у него сгорел блок питания!

– Уже давно новый купил. Коля без «Плейстейшена» и дня не протянет.

Дикий не тронул бутылку, зато Рома себе не изменил: как только они поравнялись с ней, бутылка была подсечена ботинком с такой силой, что, будь она из стекла, разлетелась бы, не долетев до бордюра.

– Тогда завтра нажмем на него! – проговорил он. – Если захочет остаться с нами – без проблем. Пусть хоть ночует у меня.

– Класс!

Антон откинул капюшон. Их пути разошлись: Рома шел вниз к своей шестнадцатизэтажке, а он налево – к старой «брежневке», где жила его тетя.

Поднимаясь в квартиру, Рома надеялся не застать сестру дома. Ему срочно требовался компьютер, а так как Диана проводила в интернете большую часть своей жизни, рассчитывать на то, что сестра ему уступит, не приходилось. Диана сидела за компьютером сутками, причем, как догадывался Рома, не преследуя никакой цели. Она была зарегистрирована во многих социальных сетях, и, в отличие от него, ей все время кто-то писал.

Рома не знал, от кого эти письма и какого они содержания. Он пытался подглядывать, но видел лишь редкие размытые фотографии. А если он подходил слишком близко, Диана сво-

рачивала страницу и смотрела на него до тех пор, пока он не отходил на безопасное расстояние. Рома чувствовал ее взгляд, словно у нее глаза были на спине. Даже когда он подбирался на цыпочках, она все равно его замечала. На сообщения Диана отвечала весь вечер и уходила от компьютера, только если собиралась на тренировку или мама гнала ее за уроки, потому что ей самой требовался интернет.

Страницы своих соцсетей Диана держала закрытыми. Несколько раз Рома попытался угадать пароль, но все было тщетно. Он пытался зайти через историю вкладок, но и здесь его ожидал провал. Диана тщательно конспирировала свои занятия. Он даже не знал ее подруг и друзей, и иногда ему казалось, что в одной квартире с ним живет не сестра, а дальняя родственница.

Сегодня Рома был в меньшей степени заинтересован тем, что скрывает Диана, а в большей – тем, что находится под школьной кухней. Он хотел найти информацию о подобных феноменах. И если кто-нибудь из ребят посмеется над ним и скажет, что все это глупая фантазия, у него будет чем прикрыться. Как говорил их тренер, умение прикрываться для боксера не менее важно, чем для девочек в примерочных. Вот и ему требовалась достоверная история, чтобы не выглядеть в глазах ребят идиотом.

Дома Рома обнаружил компьютер выключенным. В этот же момент ему позвонила мама и сказала, что задержится у тети Оли, а Диана уехала в морскую академию на матч. От счастья Рома чуть не разорвался. Он сделал несколько прыжков, скинул туфли в разные стороны и поплыл к компьютеру.

В запасе у него было целых полтора часа. Рома не помнил, когда последний раз сидел за компьютером так долго. Он был уверен, что мама задержится допоздна, потому что у тети Оли были проблемы с мужем, которые она никак не могла решить. Рома не особо вдавался в эти проблемы, но знал, что мама не раз предлагала решить их рационально: то есть просто развестись. Поэтому он за тетю Олю не беспокоился. По крайней мере, у нее дома никто не умирал, хотя мама ходила к своей подруге так часто, что стоило задуматься и об этом.

Рома сосредоточился. Он открыл «Google» и забил в поисковую строку: «Звуки в школьной канализации». Поисковик выдал миллион результатов про забитые дерьмом трубы, очистные сооружения, новые строящиеся объекты, рекламы, утверждающие, какие из управляющих компаний лучше, а какие хуже. Он потратил около получаса, чтобы пролистать ненужный хлам и убедиться, что интернет – это помойка. Спустя какое-то время Рома принялся менять поисковую фразу. Ему стали попадаться какие-то сказки и художественные истории, и тогда он подумал, что лучше бы потратил это время на взлом страницы сестры в «Вк» или поиграл в «Мортал Комбат», пока никого нет дома. Он провел возле компьютера до восьми часов вечера, пока, наконец, не встретил статью из ленты новостей, датированную третьим сентября две тысячи первого года.

« В сорок восьмой школе города Севроды исчезли два преподавателя физкультуры. Ведется следствие. Возбуждено уголовное дело по статье „Похищение“...»

Рома прокрутил ленту новостей на более раннюю дату и нашел шокирующую информацию.

«». В сорок восьмой школе города Севроды двое первоклассников были напуганы странными голосами, исходившими из водосточной трубы. Школьники утверждали, что голоса зазывали их внутрь. Происшествие получило огласку. Проведена проверка данного объекта, в ходе которой было обнаружено обезображенное тело человека. По версии следствия, мужчина тридцати лет застрял между очистными сетками и не смог выплыть на поверхность. Что заставило его залезть в водосточную трубу, предназначенную для слива городского дренажа в отстойник, остается загадкой. Власти города обсуждают меры безопасности вокруг объекта

Рома уцепился за новостную ленту и пролистал еще несколько страниц вниз, но ничего путного не нашел. Тогда он вернулся к поисковой строке и вбил «Севроды. Школа. Голоса из водосточной трубы».

В ответ он получил несколько ссылок на ту же сорок восьмую школу.

». *«Третьеклассник пожаловался родителям, что слышит голоса из водосточной трубы. Происшествие стало достоянием общественности, потому что мама школьника подала в суд. По ее словам, кто-то из старшеклассников специально запугивает ее сына, подвергая опасности его психологическое состояние. В свою очередь, преподавательский состав школы ничего не делает для воспитания своих учеников. По словам матери пострадавшего ребенка, в школе скопилось слишком много придурков, чтобы продолжать здесь обучение*

– Трубу, наверное, никто не проверял, – пробормотал Рома.

Глаза его начинали уставать. Он открыл следующую ссылку, где рассказывалось об исчезновении сотрудника милиции, причастного к делу о похищении преподавателей. В две тысячи пятом году пропал ребенок, после чего власти решили засекретить расследование и ввести строжайший запрет на распространение информации через СМИ.

Одну из похожих ссылок Рома встретил за две тысячи тринадцатый год. Говорилось, что третьего сентября в сорок восьмой школе прошел турнир по баскетболу, посвященный погибшим преподавателям. Тело одного из них удалось обнаружить в водосточной трубе. Его опознали и похоронили. Другой числился без вести пропавшим.

Последние полчаса Рома просидел, разглядывая фотографии мужчин. Одному на вид было уже за пятьдесят, другому, как и говорилось в статье, около тридцати. Сильные, жизнерадостные и уж точно достойные нормальной смерти. Рома закрыл страницу «Google» и почесал затылок. То, что он хотел найти, он частично нашел. Он не понимал одного – секретности расследования. Почему все закрыли? Нашли ли пропавшего ребенка? И где вообще этот город Севроды?

Впрочем, думать долго ему не дали щелчки замка входной двери. Первой вернулась Диана. Девочка скинула сапоги в прихожей и с рюкзаком за спиной прошествовала в гостиную.

– Привет, мелкий! – бросила она Роме. – Долго еще?

Она прошла мимо брата и скрылась в своей комнате.

– Не называй меня мелким! – крикнул ей Рома.

Ему было все равно, как его называла старшая сестра дома, но на людях он предпочитал другие имена.

Диана появилась в дверном проеме. Она находилась в приподнятом настроении, и Рома понял, что игра закончилась удачно.

– А?

– Я сказал, не называй меня мелким! – повторил Рома.

Сестра усмехнулась:

– Злишься?

Рома промолчал.

– Ты еще долго? Мне комп нужен.

– Нет.

– У тебя есть минут пятнадцать, пока я приму душ и чего-нибудь съем.

Она откинула назад волосы и скрылась в своей комнате. Рома услышал, как один за другим отодвигаются ящики, будто сестра проводила проверку. Рома никогда не заходил к ней в комнату. Мама – очень редко. Диана сама делала уборку, и мама никогда не приставала к ней с вопросами по поводу порядка. Диана была на редкость чистолюбивой и любила уход как за собой, так и за своими вещами.

Когда ящики перестали греметь, Рома услышал:

– А почему ты не спрашиваешь, как закончилась игра? Ты что, не знал, что у меня...

– Знал, – равнодушно ответил Рома.

– Вот! – подтвердила Диана. – Догадываешься, как мы сыграли?

– Выиграли.

– Мы не выиграли. Мы их разгромили! – Диана вышла из комнаты, переодетая в домашний халат. В руках она держала нижнее белье и еще какую-то штуку, предназначение которой Рома не знал.

– Какой счет?

– 39:21! Я вообще не понимаю, как они собираются ехать на Универсиаду в Краснодар! – Она всплеснула руками. – Там же их просто засмеют! Они вообще ничего не умеют! Не знают, как обороняться, не знают, как бежать в атаку. В атаку бежали только две девочки. Остальные три тупо стояли на задней линии, как будто играли в волейбол.

Диана рассмеялась. Облокотившись на его стул, она уставилась в монитор, но мысли ее были далеки от того, чем занимался Рома.

– Как бы тебе объяснить, мелкий, чтобы ты переварил... Это как в боксе, когда ты поднимаешь руки только для удара. А все остальное время они у тебя болтаются на уровне колен. Можно выиграть бой с такой тактикой?

– Разные соперники бывают, – вздохнул Рома, вспомнив недавний спарринг с мальчишкой из младшей возрастной группы. Его подсунули ему, потому что у них была одинаковая весовая категория.

– Нет, ты бы их видел! – продолжила Диана, размахивая нижним бельем. – У них есть только одна нормальная девочка. Кажется, ее зовут Лена Пушкина. Я с ней лично не знакома, просто знаю через друзей. Она закинула нам четыре трехочковых!

– Молодец.

– Не то слово! Хотя их проблема даже не в том, что они совершенно не соображают, куда бежать. У них команда малоросликов. Мой рост метр семьдесят один. У них только одна девочка была выше меня. Все остальные – мелкие... как ты! Я имею в виду, твоего роста.

– Не называй меня мелким! – Рома погрозил ей пальцем. Он не злился, но столь раскрепощенное поведение сестры ему не нравилось.

Диана показала ему язык.

– Мелкий!

– Будешь называть меня мелким, я стану называть тебя... – Он задумался, выискивая подходящее слово. – Старой! Я буду называть тебя старой, о'кей?

– Что?! – взвизгнула Диана. – Только попробуй!

– Старая! – Рома скрестил руки, выпятил грудь и сердито заявил: – Я еще не ужинал сегодня. Уже восемь вечера. Приготовь мне ужин, старая!

– Ах ты! – Диана махнула трусам. Рома не успел увернуться: предмет женского гардероба прочертил траекторию вблизи его уха и со свистом приземлился на плечо. Удар был настолько хлесткий, что девочка не удержала белье в руках и трусы упали на пол. – Только попробуй еще раз произнести это слово!

– Старая! – тут же повторил Рома.

– Свинья мелкая! Я расскажу маме, что у вас завтра контрольная по математике, а ты ничего не выучил!

Рома поджал губу. Такое предательство ударило под дых.

– У меня завтра нет контрольной по математике.

– Конечно! – усмехнулась Диана. – Не забывай, что твоя одноклассница, кстати, по совместительству отличница Катя Матвеева – дочь моей тренерши по баскету. И она ходит на все наши игры. А сегодня ее не было, и девочки поинтересовались, где же Катя. Оказывается, Катя готовится к контрольной по математике. А ты сидишь за компьютером и занимаешься ерундой!

Рома не нашел, что ответить. Сейчас сестра была права на все сто. И если бы он хоть немного любил алгебру или хотя бы немного с ней дружил, то он бы тоже засел за учебники. Но, к сожалению, Рома не тянул математику. Последним шансом для него оставалась дружба с Аллой Балеевских – соседкой по парте, которая изредка ему помогала. Благодаря девочке Рома тянул алгебру и геометрию на три балла.

– Чего молчишь, Мелкий?

– Ты подлая.

Диана улыбнулась:

– А ты лучше не спорь со мной. Никогда. И, пока я приму душ, будь добр, разогрей отбивные. Мама сунула их в холодильник.

С этими словами девочка удалилась в ванную, а Рома пошел на кухню. Настроение было испорчено не тем, что Диана могла проговориться, а тем, что контрольную по алгебре не отменит даже Владимир Путин. Все равно завтра будет плохой день. Как и сегодня.

Рома вытащил отбивные из холодильника и закинул на сковородку. Пока отбивные жарились на медленном огне, в нем проснулся голод.

Глава пятая

Проверка смелостью

В пятницу на первом уроке четверо друзей из шестого класса «Б» переоделись в физкультурную форму, пробежали несколько кругов по спортзалу, выполнили разминку и... исчезли. Рома надеялся, что ненадолго.

Волноваться за исход мероприятия он начал с вечера. Сокрушительные мысли не покидали его голову, и он сидел как на иголках, не в силах охладить свой пыл. Он ворочался всю ночь и уснул под утро, из-за чего не услышал будильника и поднялся с кровати только под мамины крики. Мама опаздывала на работу, а Рома испытывал странное чувство, будто он к этому как-то причастен.

За завтраком его пробила дрожь, и он едва мог удержать в руках кружку с чаем. Мама уже ушла и не видела, как ее сына трясет, словно перед войной. После завтрака Рома почувствовал себя лучше, потому что перестал думать о деле. Так продолжалось до тех пор, пока он не встретил Антона. Потом все началось сначала. Его зубы постукивали, по телу бежала волна мурашек, в голове творился кавардак.

Четверо друзей выскользнули из спортзала, когда физрук начал делить мальчиков и девочек для спортивной игры. В шестом классе детские игры вроде «Перестрелки» и «Пионербола» закончились, и их начали обучать баскетболу. А так как никто толком не знал правил и, тем более, не желал их учить, дети капризничали и занятия превращались в бардак. Именно на бардак и надеялся Рома, сбегая с урока физкультуры.

– Нас никто не заметит, – убеждал он по дороге на первый этаж. – Пока они разберутся, кто за кого играет... Еще на каждой второй минуте будет свисток, чтобы объяснить очередное нарушение правил... Там будет такой зашквар! Слово даю.

– Если мама узнает, что я прогуливаю уроки... – Коля Жуков догнал его и дернул за плечо: – Мне хана, Роман. Я скажу, что это ты во всем виноват.

– Заткнись, Колян. – Макс Неведров, который был самым высоким в их компании, пнул его под зад. Они неслись, как на пожар. – Все будет нормально. Это ж такая веселуха, если Фетль прав! Дикий, ты согласен со мной?

Макс любил, чтобы с ним соглашались. Вид у него был настолько омерзительный, что с ним особо никто и не спорил. Даже учителя. Все знали, что его отец – налоговый инспектор, и если у Макса начнутся проблемы, то проблемы начнутся у всей школы.

– Ага, – выпалил Антон.

– Только бы побыстрее все это закончить, – ворчал Коля. – Просто... если бы кто-то один смылся из зала. Или вдвоем. А то вчетвером слишком заметно.

– Мы быстро! – бросил Рома через плечо. – Одна нога здесь, другая там.

Коридор был пуст. Они спустились на первый этаж и побежали к гардеробу.

– Если кто-нибудь встретит нас, скажем, что отлучились попить, – придумал Рома.

– Вчетвером, – добавил Антон.

– Да заткнитесь вы! – прыснул Макс. – Вчетвером, впятером, всем классом – какая разница! Это физкультура или урок русского языка? Я вообще срал на эту школу. Здесь ничему не учат, только бесят всех. Прогулял одно занятие – тут же вызывают родителей! Мы здесь, как в тюрьме. Кому-то же надо открыть рот. Вот и скажем им всем, что достали нас эти законы. Двое из нас шли в туалет, двое – попить воды. Все! А спросят, почему по двое, скажем, что девочкам можно по двое в туалет ходить, почему мальчикам нельзя? А? Почему?

– Не ори! – По пути Рома провел рукой по пыльному подоконнику. – Никто нас ни о чем не спросит. Самое главное – держите рот на замке.

Они приостановились перед центральной лестницей. Рома выставил руку и предупредил друзей держаться за его спиной. Его тоже настораживало их количество. Четверо – слишком много, чтобы казаться незаметными. Отчитываться перед учителями никто не хотел. Тем более он – сын завуча школы.

– Никого, – сказал Рома и прошел мимо лестницы.

На верхней площадке кто-то из учителей разговаривал по телефону. Голос Рома не узнал.

Мальчишки быстрым шагом направились к гардеробу. Мимо них пробежала маленькая девочка, явно опоздавшая на урок. Она торопилась и в растерянности искала на стене расписание. Рома остановился. До гардероба оставалось несколько шагов.

– Теперь вслушивайтесь, – произнес он. – Это произошло здесь. Впервые я услышал голоса. Потом пошел к гардеробу, и голоса превратились в...

– ...пение, – подтвердил Антон. – Только я услышал их не здесь. Я услышал их в туалете. А потом еле унес оттуда ноги.

– А я еще понять не мог, от кого так воняло на физике! – Макс Неведров посмеялся в кулак. – Думал, что Владик Прилепин пёрнул, а это Дикий обделался.

– Заткнитесь! – прошипел Рома. – И вслушивайтесь!

Коля и Макс вытянули шеи. С минуту молчание никто не прерывал. Со второго этажа тянулся гул голосов. Кто-то из учителей вел занятия с открытой дверью, что ужасно раздражало. Рома не раз замечал, что чаще всего уроки с открытыми дверями проводят учителя-пенсионеры. Кто-то может предположить, будто им жарко, но на самом деле так они демонстрировали свою состоятельность. Показывали, что на их уроках никто не бездельничает, не шумит и не занимается ерундой.

Однажды мама открыла Роме секрет. В ее обязанности входило раз в день прогуливаться по школе и подслушивать, чем занимаются на уроках учителя, а не дети. Потому что с недавних пор, если ребенок запускал учебу, виноватым считали не его, а того, кто его учил. Но Мария Александровна не занималась этими вещами. Ходить по школьным коридорам и подслушивать было не в ее репертуаре, хотя директорше она докладывала, что делает это ежедневно. И что профессионализм учителей не вызывает сомнений. *Учителя*

– Я ничего не слышу, кроме сварливого голоса Елизаветы Петровны, – заявил Макс Неведров, задрал подбородок, как герцог перед боярами.

– Я тоже ничего не слышу, – подтвердил Коля Жуков. Кудри, которые он отпускал, свесились ему на лоб, и с такой прической он напоминал Александра Сергеевича Пушкина.

– И я ничего не слышу. – Антон почесал затылок. – Пойдем ближе к столовой.

Рома посмотрел по сторонам. По стуку каблучков он понял, что кто-то спускается со второго этажа.

– Все в гардероб! – шикнул он.

Антон и Коля мгновенно исчезли, а Макс Неведров сделал все, чтобы его уход не выглядел заячьим. Он скрылся в дверях в тот момент, когда в коридоре показалась Мария Александровна. Рома сделал вид, что изучает расписание занятий.

– Ты чего здесь? – Завуч остановилась возле сына. С собой она несла папку с бумагами.

– Смотрю расписание. – Рома пытался выглядеть естественно.

– Ты не знаешь, какие у тебя сегодня уроки?

– Знаю. Я смотрю расписание на понедельник.

– То есть, в ноябре месяце ты еще не выучил свое расписание занятий?

– Иногда нам меняют уроки. И кабинеты тоже.

– У вас сейчас физкультура?

– Да.

– Иди в спортзал! Изучишь расписание на перемене.

Она не стала задерживаться в коридоре и пошла дальше. Не доходя до гардероба, она свернула в отдел, где вся школа делала ксерокопии. Мария Александровна передала папку, объяснила задание одной из помощниц и вернулась к сыну.

– Ты еще долго будешь тут стоять? Иди в спортзал! Пусть только поставят пропуск!

– Я уже иду.

Рома поплелся за ней следом. Они поднялись на второй этаж, где их пути разошлись. Спортзал находился в северном крыле, а кабинет завуча – в южном, этажом выше. Мама пожелала ему удачи и, ничего не подозревая, пошла дальше по лестнице. Рома сделал вид, что очень спешит на урок, прошел десять метров в верном направлении, а когда шаги мамы смолкли, развернулся и кинулся обратно к лестнице.

Друзья ждали его в гардеробе. Макс Неведров, скрестив руки на груди, подпирал вешалку. Коля Жуков и Антон рассматривали въезжающий в школьные ворота мусоровоз. Машина пробиралась так медленно, будто была груженой под завязку.

– Слышали историю про то, как в одну школу являлся демон в образе мусорщика? – поинтересовался Коля, не спуская глаз с машины.

Огромный ржавый мусоровоз проплыл мимо окна и теперь пытался развернуться, чтобы подъехать к контейнерам задом. Места здесь было так мало, что водитель растерялся и остановил машину возле контейнеров совсем не тем боком.

– Что за история? – спросил Антон.

– Точно не помню, но в общих чертах опишу. – Коля нацепил маску оратора, но говорить продолжил вполголоса. – Был мальчишка, за которым охотился демон. Этот мальчишка имел какие-то способности, и демон хотел ими воспользоваться. Но он никак не мог его поймать. И тогда демон стал ходить за ним по пятам и похищать его друзей, знакомых и близких. Он появлялся только в тех местах, где было темно, грязно и полно мусора. Однажды он явился в школу, где проходил осенний бал у старшеклассников, и...

– ...поймал мальчишку, – вмешался Макс Неведров. – Открутил ему голову, выпотрошил кишки и оставил в актовом зале.

– Нет, – продолжил Коля. – Мальчишка опять улизнул. Он догадался, что демон караулит его, потому что увидел на стоянке мусоровоз.

– Как он сбежал?

Антон испытывал нетерпение, но Коля не знал конца истории. Иногда он придумывал его самостоятельно, но сегодня его перебил грубый голос одноклассника.

– Слушайте, – Макс заговорил, даже не дав Роме отдышаться, – меня захватила эта история про призраков, голоса и прочее. И мне очень хотелось бы в нее поверить. Но я ни хрена не слышу! А вы что-нибудь слышите?

Коля Жуков отрицательно помотал головой. Антон перевел взгляд на Рому, Рома пожал плечами:

– Может, все дело во времени? Надо было позже прийти.

– Я бы не хотел называть вас сумасшедшими, но сдается мне, что вы просто решили нас разыграть. Верно, Дик?

И Макс выдал издевательский смешок, намекая на то, что розыгрыш ему понравился.

– Я не идиот, – ответил Рома, – и знаю, о чем говорю. Я слышал голоса отсюда.

– Ты слышишь их и сейчас? – Макс тихонько завыл.

– Пошел ты! – Рома отмахнулся, но Макс продолжал вить, извлекая такой глубокий звук, что всем стало не по себе.

– В прошлый раз...

Рома задумался. Вдали, за окном, старушка-уборщица помогала мусоровозу развернуться. С одного бока машину подпирало дерево, с другого – стена детской библиотеки.

– Было пусто и тихо, как сейчас. Может быть, дело в...

– На кухне были люди? – спросил Коля.

– Отлично. Сейчас будем строить предположения, что именно влияет на вой призраков из канализации! – Неведров скрестил руки на груди. – Шли бы вы в задницу!

– А если так и есть? – Коля вцепился в вешалку, под которой стоял Макс. – Если призраки поют, только когда кухня пустая?

– Кухня не бывает пустой.

– Бывает, – в один голос выкрикнули Рома и Антон.

– Я точно знаю. – Рома отступил от окна. – После четвертого урока они все сматываются по домам. Мне мама говорила. И приходят только ко второй смене.

– Отличная идея! – воскликнул Коля. – Придем сюда после четвертого урока?

– У нас контрольная по алгебре, – напомнил Макс. – Хотите прогулять?

Ребята притихли. Мусоровоз, наконец, нашел правильную траекторию и подъехал к контейнерам задом. Уборщица возвращалась на свой пост.

– Надо делать ноги. – Антон тоже подался от окна. – А не то спалят.

– Я вам так скажу. – Неведров указал пальцем на Рому и Антона. – Забудьте весь этот бред. А то, что ты, Ром, прочитал в интернете, – полная ерунда. Кто-то придумал «утку», раздул страшную историю и поимел с этого денег. Я с трудом верю, что мы вообще это обсуждаем.

– Надо дергать отсюда, ребятаки! – окликнул их Антон.

– Да. – Рома понял, что волновался не зря. Риск оправдался. – Пойдем в спортзал. Дерьмо сегодня день.

– Это точно, – поддержал Антон.

– Только давайте так, пацаны. Никому больше об этом не рассказывать. Я не хочу, чтобы о нас с Диким думали, как о придурках. Мы не сказочники. Мы серьезно слышали эти голоса, и, возможно, так оно и было, но с этого момента я не хочу, чтобы кто-нибудь еще вмешивался в историю. Мы просто обо всем забудем. Согласны?

Рома посмотрел на Колю и Макса. Макс приложил ко рту ладонь.

– Никому, – пообещал он и глянул на Колю: – Жуков?

Коля открыл рот... и тут же закрыл.

– Коля! – Рома взял его под руку.

Коля изогнулся. Руки у Ромы были довольно сильные, чтобы причинить худощавому мальчишке боль. Несколько секунд он терпел, потом кивнул.

– Я хочу, чтобы ты сказал вслух, – настоял Рома.

Коля еще раз кивнул. Глаза его были круглыми и широкими, словно он смотрел на луну. Макс потрепал его по волосам. Когда Коля перестал стричься и шевелюра его настолько пышной, что в ней утопала даже огромная рука преподавателя физики, все стали трепать Колю по волосам. Не отказывали себе в этом даже девочки. Но некоторые руки Коля не любил.

– Неведров, отвали!

Макс усмехнулся, а Рома еще сильнее стиснул Колино предплечье:

– Тебе так сложно сказать «Я никому не расскажу»?

– Я никому не расскажу! – как-то легко и просто произнес Коля.

Рома тоже не лишил себя удовольствия порыться в курчавых волосах.

– Молодец! – сказал он. – Почему-то у меня иногда возникают сомнения насчет тебя, Колян. Мне кажется, ты способен сболтнуть лишнего.

Они поднялись в спортзал. Из приоткрытой двери на них бросился шум и крики одноклассников. Физрук уже разделил детей на две команды, которые пытались если не передавить друг друга, то хотя бы перекричать. В шестом классе Рома думал, что глупее игры, чем баскетбол, быть не может. В беготне с мячом он не видел ни азарта, ни паники, ни чего-либо, цепляющего и достойного внимания. Все мешалось в одну кучу. Те, кто умели бросать, не умели

бегать, а те, кто умели бегать, не умели бросать. Хуже всего получалось у девочек. Они вообще не понимали, что делать с мячом, и стояли на местах, как овечки, дожидаясь, когда кто-нибудь толкнет их или ощупает. Изредка они переглядывались, выискивая поддержку, но большую часть времени стояли и молились, чтобы мяч бился об пол где-нибудь подальше от них. А когда мяч приближался, они бежали прочь от него, чтобы лишний раз не слышать удары и не получить по голове.

Рома никогда не видел, как играет его сестра. Он знал, что от баскетбола она была без ума, но, глядя на своих одноклассниц, убеждался, что баскетбол для девочек – то же, что и беременность для мальчиков.

Рома рассчитывал пройти вдоль скамеек и потом незаметно влиться в толпу. Был другой вариант: они могли разместиться на скамейках и досидеть урок без дела. Оба варианта смотрелись одинаково выигрышными и оба провалились, как только навстречу им вышли две девочки, Алла Балеевских и Настя Миранчук.

Миранчук улыбнулась всем, кроме Неведрова, который был в нее безумно влюблен. Алла встала полубоком и прижалась к подруге, словно к мужчине, которого любила всю жизнь. И так, двое на четверо, они замерли на входе в спортзал, пока одна из девочек не обратилась к одному из мальчиков:

– Ну что, Ром, нашел своего призрака? – Настя рассмеялась, а Алла слегка покраснела.

Рома остолбенел. Он не понимал, в его ли адрес полетели эти слова, и первые пару секунд пытался сообразить, о каком призраке идет речь. Потом все стало на свои места. Девочки пошли дальше, хихикая, как дьяволицы, а Рома медленно перевел взгляд на Колю Жукова. Его кулак сжался, а Коля, предчувствуя неладное, укрылся за Антоном.

– Коля, – Рома занял стойку, как учили на тренировках по боксу, – ты что-нибудь говорил Насте про меня?

С Настей Миранчук Коля сидел за одной партой. Они дружили, и Рома не удивился тому, что информация из уст болтливой мальчика так быстро дошла до ушей общительной девочки.

– Я ей только пару слов сказал, – признался Жуков.

Антон загородил Колю собой, и Рома стал обходить его против часовой стрелки:

– Что именно ты сказал?

Коля тоже пошел против часовой стрелки. Так начался маленький неспешный хоровод.

– Я сказал, что ты сказал, – ответил Жуков.

Рома потер ладонью кулак. Угроза не осталась незамеченной: Коля прибавил шаг, чтобы держаться от друга на расстоянии.

– А дословно?

Коля хотел было увеличить круг, но Макс Неверов не дал ему уйти.

– Я сказал, что ты слышал из канализации голоса и они звали тебя. И ты предполагаешь, что под школой завелись... призраки.

Неведров чуть не разорвался.

– Вот это отжег! Ну, мастер! – проорал он. – Зачет!

Рома сделал рывок и выбросил руку, чтобы схватить Колю за плечо, но Антон преградил ему путь.

– Ром, остынь! – Дикий схватил его под живот и оттащил к стене. – Это всего лишь шутка. Все понимают. И дев...

– Ни хрена это не шутка! – прохрипел Рома. – Теперь они будут смеяться надо мной!

– Пусть смеются! Какая разница? Им всегда надо над кем-то смеяться. Не будут же они смеяться над собой!

– И что еще ты сказал? – не унимался Рома.

– Тебе этого мало?! – Макс утирал глаза от слез. – Ладно Балеевских, но Миранчук... Это конец! Завтра о призраках узнает вся школа. И все будут смотреть и искать, где же тот

мальчик, который слышит их. А потом кто-нибудь встретит тебя возле гардероба и спросит: «Ну, как? Они все еще зовут тебя?»

Его снова скрутило от смеха. Рома выпутался из рук Антона. Оправился и сказал:

– Спасибо, Коля! Только этого от тебя и остается ждать.

– Извини, Ром. Я не подумал. – И тут ему в голову пришла замечательная идея: – Хочешь, я дам тебе поиграть «Плейстейшн»... на день?

– Нет. – Рома показал ему кулак. – Чтобы загладить свою вину, дашь мне «Плейстейшн» на неделю.

– Ого! Но чем я буду заниматься все это время?

– Запишись в кружок глинокерамики. Там тебя разучат болтать и научат что-нибудь делать.

– Или сходи в музыкальную школу, – добавил Макс. – Там тебе дадут трубу, и ты будешь дуть в нее. Таким образом, два часа в день ты точно не будешь трепаться.

Коля пожал плечами. Все предложения друзей он воспринял на полном серьезе.

– Я не знаю, ребят. Мне мама тоже говорила, что надо чем-то заняться. А я все никак.

– Да-да. – Антон щелкнул пальцами у него перед носом.

– Ладно. – Рома глянул в сторону одноклассников. Девочки бежали от мяча, мальчики – к мячу, преподаватель свистел каждые две секунды, фиксируя пробежки и игры локтями. Когда Рома обернулся, учитель физкультуры их заметил и отвлекся от игры, вследствие чего одной девочке досталось по носу, а другую толкнули на лавки. Раздались крики, и Рома понял, что это их шанс влиться в коллектив, пока не пришлось отвечать на каверзные вопросы физрука.

– «Плейстейшн» завтра принесешь, – велел он и ступил на площадку.

В игре, где дети едва понимали, что нужно делать с мячом, Рома ничем не выделялся. Единственное, что отличало его от других, – это скорость. Стоило ему получить мяч, он тут же от него избавлялся. Когда атака уходила вперед, он оставался на своей половине поля, выжидая ответный удар. В кольцо мяч почти никто не забрасывал. Из-за свистков учителя дети элементарно не могли подступить к кольцу на необходимое расстояние.

Беготня развеяла настроение, и Рома почувствовал себя лучше. Но стоило уроку физкультуры подойти к концу, он вновь ощутил на себе взгляды. Одноклассницы косились на него и посмеивались. Особенно Настя Миранчук. Обычно девочки передвигались по школе по двое или по трое, и только вокруг Насти всегда тусовалась толпа. Иногда Роме чудилось, будто Настя своим длинным языком склеивает раздробленные куски класса.

Алла Балеевских была одной из ее близких подруг. И пусть Алла не являлась образцом женской красоты, и по ней не томилось столько мальчишек, сколько по Насте, Рома не хотел быть в ее глазах клоуном. Шестой класс – переходный класс. На этом рубеже школьники начинают взрослеть. Кто-то пробует курить, кто-то влюбляется, кто-то заражается компьютерной манией, кто-то уходит в спорт или музыку – подальше от школы, глупых одноклассников и неинтересных мероприятий. Никто не стоит на месте, и Рома тоже не стоял. Он жаждал развития. И ему очень было смешно от девочек. Особенно Аллой. *не хотелось*

После уроков он выбрал момент, когда одноклассница осталась одна, отвел ее в сторонку, где их не видели ни друзья ни подруги. Тем местом оказалась пустая, безликая столовая. Здесь они спрятались от всей школы, и, едва ли не впервые в своей жизни, Рома произнес речь, к которой готовился всю контрольную по алгебре.

– Я хотел сказать спасибо за то, что ты мне помогаешь, – произнес он и проглотил сухой упругий ком, застрявший в горле. – Мне все равно, какую оценку я получу за контрольную, но благодаря тебе я точно не останусь двоечником. Мама не станет на меня орать, за то, что я...

С его губ едва не сорвалось слово «тупой».

– ...ничего не соображаю. А я соображаю, просто мне некогда заниматься математикой из-за тренировок. И я... в общем, я тебе очень благодарен. Спасибо.

Алла смотрела на него распахнутыми глазами, и Рома подумал, что девочка просто не верит в происходящее. Он бы и сам в такое не поверил, если бы не готовился столько времени. Но Алла... Алла находилась в странном состоянии. Либо ей никто никогда не говорил «спасибо», либо она не считала свою помощь настолько необходимой.

Дабы вывести девочку из оцепенения, Рома взял ее за руку. Получилось это так осторожно и трогательно, что Алла вздрогнула и, сама себе не подчиняясь, крепко сжала его ладонь. Рома еще долго пребывал в раздумьях, почему она так поступила. Было похоже, будто девочка хватается за конец веревки, утопая в болоте. Он всего лишь хотел услышать от нее какой-нибудь ответ, а вместо этого получил почву для размышлений на много лет вперед.

Рома с трудом перешел к главному:

– И еще я хотел сказать... Все слухи обо мне... Про каких-то призраков под школой... – Он усмехнулся, не в силах заглянуть ей в глаза.

А если бы Рома все-таки поднял голову, он бы понял, что девочка давно перестала его слышать. Она держала его за руку, а ее лицо выражало желание, чтобы этот момент продолжался вечно.

– Все чушь, – договорил Рома. – Все выдумки каких-то придурков. Ты в них не верь. Ладно?

Наконец Рома поднял голову. Алла молчала. Рома с радостью сказал бы больше, если бы не волновался и не чувствовал к девочке необычное притяжение. Мыслей в голове почти не осталось, а выглядеть перед Аллой застенчивым мальчиком означало перечеркнуть ту драгоценную минуту, которую он только что прожил.

– Мне надо идти. Меня Дикий ждет. Хорошего тебе дня, Алла.

– И тебе, Ром.

Их ладони рассоединились. Рома выскользнул в коридор и, как поезд, идущий под откос, кинулся к выходу из школы. Его мозг кипел. Голова кружилась. И, в то же время, он чувствовал, будто с души свалился камень. Он вдруг осознал, что иногда девочки оказывают на мальчиков удивительное воздействие. Вроде бы ничего ужасного не произошло, но как же чертовски тяжело было решиться на это! Подойти, отвести в сторону, сказать, закончить начатое... Он словно выиграл дебаты. Словно не спал ночами, выжидая минуту славы. Словно работал всю жизнь над проектом. И вот все свершилось.

Рома в отличном настроении спустился по ступенькам, глянул на пасмурное небо и помчался к другу. День стал великолепным.

Глава шестая

Дети слышат

Пятидесятилетняя посудомойка Татьяна Николаевна слышала только конец беседы Ромы и Аллы. Она слишком усердно занималась подготовкой посуды к приходу второй смены, а когда случайно приблизилась к приемному окну, через которое доносились слабые голоса детей, было уже поздно. Она трижды прокляла себя за то, что не подошла к окну раньше, и со злости чуть не опрокинула ванну с дезинфицирующим раствором. Но вскоре порыв негодования прошел, женщина успокоилась и как ни в чем не бывало продолжила мыть посуду.

Татьяна Николаевна была по-своему несчастной женщиной. Маленький круг коллег, с кем она работала, острой необходимости в ней не проявлял. Кто-либо из учеников редко здоровался с ней в школе. С соседями по коммунальной квартире она не дружила из-за бытовых ссор. С мужем развелась через два года после свадьбы и с тех пор жила с недоразвитым сыном и мамой, чей возраст приближался к восьмидесяти годам. Жизнь ее, если когда-то и была ключом, то сейчас напоминала пересохшее русло, над которым изредка проносились дождевые облака. Как она считала, теми облаками были ее сын и вера в его постепенное выздоровление. Но облака на месте долго не задерживались, и вера Татьяны Николаевны все реже находила обоснование.

Способности ее милого мальчика с трудом цеплялись за огромный мир, потому что родился он едва зрячим.

Он умел предсказывать погоду, пощупав воздух за окном, мог слышать голоса соседей, перешептывающихся за бетонной стеной. Но все это было мелочью, по сравнению с главной способностью мальчика: он чувствовал болезни людей. И если подсесть к нему слишком близко, мальчишка мог либо порадовать вас, либо огорчить. За излишнюю болтливость Татьяна Николаевна не выпускала его на улицу. Всю свою одиннадцатилетнюю жизнь мальчик ютился в тесной квартире вместе с мамой и бабушкой, которая, наоборот, едва слышала, зато читала без очков.

Татьяна Николаевна работала на кухне семьдесят седьмой школы восьмой год. Помимо этой работы, у нее имелась еще одна. По пятницам и субботам к четверем утра она приезжала в ночной клуб «Дом Советов» и мыла там полы. Кстати, на уборку она тратила два часа за рабочие сутки, итого четыре часа в неделю, что приносило ей половину месячного заработка в столовой. Каким-то образом ночной клуб оказался куда прибыльнее целого дня, проведенного в школе. Осознав этот факт, Татьяна попыталась устроиться в «Дом Советов» на полную ставку, но, как выяснилось, таких, как она, были уже сотни. Женщину взяли лишь потому, что ее семья потеряла одного кормильца.

Работать в школе, хоть и за гроши, Татьяне Николаевне нравилось. Каждый день она слышала детский смех, плач, тайны и сплетни, ругань и крики. Каждый день ей было о чем поговорить с коллегами по кухне, если на нее кто-то обращал внимание. В противном случае она просто черпала интересную информацию от других.

В посудомоечном цехе, где она провела последние пять лет своей жизни, она знала каждую мелочь. И даже когда под посудомоечной машиной внезапно раздавался скрип, она не обратила на это внимания, потому что за все время, что она здесь провела, не случилось ни одного чрезвычайного происшествия. Пару раз она застала здесь глупых школьников, забежавших в цех для фотосессии. Пару раз забивалась канализация, и она тонула в знойных нечистотах. Пару раз ей приносили цветы в знак благодарности за незаметный труд. Еще пару раз она ругалась с начальницей столовой. Но все это случалось так редко, что Татьяна Николаевна

не ждала каких-либо необычностей. Когда раздался , она выставляла продезинфицированную посуду на конвейер посудомоечной машины. Лента с посудой медленно заплывала внутрь агрегата и выплывала с обратной стороны, где Татьяна Николаевна ловкими движениями собирала чистые тарелки и складывала их на подносы для дальнейшего хранения. *скрип*

Скрип повторился дважды, прежде чем женщина заметила неладное. Ей в голову пришла тревожная мысль. В прошлом году посудомоечная машина ломалась дважды, и перед каждым подобным случаем возникал похожий скрип. Конвейер будто что-то цеплял под днищем.

Женщина решила заглянуть под агрегат, чтобы удостовериться в своей правоте. Ее не покидало ощущение, что источником скрипа является застрявшая в обшивке кость, каким-то образом оставшаяся после смывателя. Стоило ей согнуться пополам, как голова ее закружилась, в глазах потемнело, а спина отозвалась громким хрустом.

«Нужно срочно избавляться от лишнего веса», – подумала женщина. Иначе край, который сынок недавно предсказал ей, наступит совсем скоро.

Однако избавиться от лишних сорока килограммов было сложно. Татьяна Николаевна это знала. В беседах с коллегами она не раз поднимала этот вопрос, ибо лишний вес объединял их всех. И когда у кого-нибудь случался день рождения или другой праздник, главным пожеланием виновнице торжества было проснуться худышкой. Это была их мечта. Женщинам, чей вес превышает все доступные пределы, всегда хочется проснуться худышкой.

Татьяна Николаевна не осилила столь крутой наклон. Она выпрямилась, подождала, пока голова перестанет кружиться, и вытерла лоб перчаткой, которой до этого работала в дезинфицирующем растворе. От резкого наклона кровь прилила к лицу, и женщина стала красной, как спелая вишня. Кожа ее заблестела. Нездоровый цвет распространился на шею и плечи. Если бы ее кто-нибудь увидел сейчас, то, скорее всего, предложил бы присесть. Но в посудомоечный цех никто никогда не заходил без надобности. Грязную посуду ставили на приемное окно, а чистую Татьяна Николаевна приносила в столовую сама.

Она склонилась над ванной с дезинфицирующим раствором, чувствуя в голове нечто среднее между болью, головокружением и сонливостью. В зеркально-чистой стенке посудомоечной машины она увидела свое отражение. Цвет кожи ее ошеломил. На пухлом лице вместо двух подбородков появился третий, щеки отливали, как бока медного чайника.

К такому внешнему виду Татьяна Николаевна не привыкла. Через три урока в столовую явятся третьеклашки, и, если они найдут ее в подобном состоянии, кто-нибудь расскажет родителям, что видел в школе чудовище.

Вскоре Татьяна Николаевна поняла, что задержалась над ванной с дезинфектором, и, возможно, голова идет кругом именно из-за паров хлора. Она сдернула перчатки, бросила их под ванну, а сама отошла к шкапам с чистой посудой. Ей стало немного лучше, и она решила сделать то, что не разрешала начальница.

Окно в посудомоечный цех открывалось только во время приема пищи. Дети сами убирали за собой посуду со столов, а грязные тарелки подавали ей в окно со стороны общего зала. На кухню никого не пускали с тех пор, как пара несносных подростков сфотографировала некоторые укромные уголки, пребывающие в антисанитарном состоянии. Чтобы исключить подобные инциденты, директриса запретила кому-либо из посторонних посещать кухню и велела открывать окна горячего и посудомоечных цехов только во время кормления детей. Все остальное время, хоть удавиться от недостатка кислорода, но окна выдачи и приема должны быть закрыты и заперты на замки.

В отличие от горячего цеха, чьи размеры и расположение позволяли открывать окна во внутренний двор, посудомоечный цех был со всех сторон уставлен шкафами. Вентиляция в старой школе работала только перед проверками санэпидемстанции. Вытяжку вообще никто никогда не осматривал, и Татьяна Николаевна подозревала, что она наглухо забита. Одинокий вентилятор гонял спертый воздух из угла в угол, никак его не освежая. Чтобы работать

в таком помещении, нужен не только опыт и терпение. Необходимо бешеное здоровье и огромная мотивация, чтобы продолжать гробить себя за гроши. И тем и другим Татьяна Николаевна обладала, но всему был предел.

Сегодня ей стало совсем плохо, и она решила плюнуть на указания начальницы. Даже если директриса увидит открытое приемное окно, а в нем – пухлое лицо алого света, она все поймет и простит.

Татьяна Николаевна скинула щеколду и распахнула створки. В лицо ударила волна прохладного воздуха, и вместе с ней, еще до того, как левая створка уперлась в стену, она услышала сдавленный женский крик. Окно открылось, словно в рай, но все-таки от внимания Татьяны Николаевны не ушел ни крик, ни последовавшее за ним бранное слово. Она открыла глаза и увидела перед окном длинноволосую девочку, потирающую правое плечо. Татьяна Николаевна поняла, что в девочке скрывается нечто обратное благодарности, но выплеснуть это наружу школьнице не хватает смелости.

– Прости, детка. – Тучная женщина быстро разобралась в ситуации. – Я же не знала, что ты тут стоишь. Мне через стенку не видно.

Девочка сняла с ушибленного плеча портфель и поплелась к выходу, а Татьяна Николаевна мысленно попросила ее не жаловаться маме и папе. В конце концов, она же заехала ей створкой по плечу, а не по лицу. Вот когда заедет по лицу, пусть жалуется. Ей даже стало интересно, кого тогда поставят на ее место в этот душный вонючий цех.

Пока Татьяна Николаевна стояла, прислонившись к широкому подоконнику, позади нее из-под посудомоечной машины выползло черное пятно. Поначалу оно расплзлось в форме круга от одной ножки машины к другой, но чуть позже форма вытянулась. Спустя минуту лужица удлинилась и потянулась к ногам женщины.

Татьяна Николаевна никогда так не беспокоилась за свою жизнь, как сегодня. Скрытое чувство подсказывало ей, что из посудомоечного цеха пора бежать со всех ног. Но она твердила себе, что все эти опасения только из-за разговора с сыном.

«Лучше бы я вообще с ним не разговаривала, – упрекала она себя. – Хотя он сам начал разговор». Она не понимала, как родной сын мог сказать матери, что ее конец близок и виновата во всем она сама. Татьяна Николаевна понимала намек на невыдержанную диету. В последние годы ее разнесло, как воздушный шар, и, возможно, сыну это не нравилось. Но за последние две недели ее вес не менялся. Она не ела после вечернего сериала, ложилась спать в двенадцать и просыпалась в шесть. Она не курила. Дорогу в школу всегда преодолевала пешком, а путь занимал более получаса быстрым шагом. Может быть, если она немного улучшит режим, ей удастся снизить вес и все будет хорошо?

Но слова сына прочно засели ей в голову. Она их боялась.

Пятно вновь потеряло форму. Лужица прокатилась по ребристой плитке, образовав полукруг возле женщины, и замерла, будто боясь подступить ближе. Белые лучи флуоресцентных ламп полностью поглощались на этом участке пола. Несмотря на неестественный блеск, в пятне ничего не отражалось. Весь свет, что попадал на черную гладь, оставался внутри, словно под поверхностью имелась несоизмеримая глубина.

Татьяна Николаевна последний раз в своей жизни услышала детский смех. Он показался ей настолько милым, что она чуть не расплакалась. Она давно заметила, что после работы с дезинфицирующим раствором душа ее открывалась как-то по-особому и детские голоса приобретали безграничную сущность. Она вздохнула, вспомнила, что в ванне лежит гора посуды, и оторвалась от подоконника. Татьяна Николаевна едва успела вскрикнуть, и все перед ней померкло. Со стороны общего зала было видно, как ее облик исчез, будто кто-то вытолкнул из-под нее стул.

Через пару минут под посудомоечной машиной вновь раздался скрип, а тарелки, дошедшие до конца конвейера, стали падать на пол, оглашая замкнутую комнату оглушительным звоном.

Вечером Мария Александровна чувствовала себя так плохо, что даже не пыталась скрыть перед детьми усталость. Она готовила ужин на скорую руку: выложила на стол макароны, жареные сосиски и салат из овощей, которые не смогла аккуратно порезать. Салат выглядел так, словно его шинковала машина с тупыми лезвиями. Но Мария Александровна была слишком слаба, чтобы это заметить. Она плюхнулась на стул еще до того, как дети потянулись на кухню. Первым ее нервозность заметил Рома.

– Что-то случилось, мам? – поинтересовался он, накалывая на вилку огромный лист капусты.

Мария Александровна не отреагировала на вопрос. И тогда за дело взялась Диана.

– Мама! – окликнула девочка. – У тебя такой вид, будто по тебе прошли катком! Что случилось? Опять приходили чьи-то родители?

Мария Александровна вдруг вспомнила, что сидит за столом. Дети не так часто интересовались ее самочувствием, а она очень хотела, чтобы кто-нибудь иногда спрашивал ее об этом.

– Ужасный день, – пробормотала она. Тарелки двоились в ее глазах. – Просто ужасный день.

– Так что случилось? – Диана отложила в сторону столовые приборы. Рома ел, не опуская головы.

– Сначала... приходили родители и жаловались, что старшеклассники запугивают их детей.

– Чем? Они их обижают? – Диана потеряла интерес к еде. Когда за ужином разворачивалась интересная тема для разговора, она слушала, ни на что не отвлекаясь. Девочка откинула волосы и придвинулась к столу.

– Какие-то наглецы напугали третьеклашек. Они сказали, что под нашей школой беснуются призраки. – Мария Александровна подперла лоб кулаком. Вилка с макаронами отказывалась лезть в рот. – Господи, кто бы мог в это поверить!

– Кладбище близко, – заметила Диана. – Вот они и поверили.

– Я провисела на телефоне все утро. Одни звонят, другие приходят в кабинет, третьи жалуются тем, кто звонил и приходил в кабинет. Как они меня достали!

– Ужас! – отреагировала Диана. – Какими глупыми нужно быть, чтобы в такое верить! Двадцать первый век на дворе.

– А какими глупыми родителями нужно быть, чтобы звонить мне по этому поводу? Они не могут достучаться до своих детей и считают, что это должны сделать мы!

– Ага. – Диана все-таки принялась за еду, но ее рот все равно не закрывался. – Неужели так трудно самостоятельно вправить мозги своему ребенку? Они бы не давали смотреть фильмы ужасов на ночь, тогда бы их дети не реагировали на подобные сказки!

– Потом в школу явился какой-то господин. Представился агентом ФСБ. – Мария Александровна вскинула брови, будто это вызвало у нее удивление. – Показал удостоверение и попросил вызвать всех детей, кто слышал голоса призраков.

Рома перестал жевать и прислушался.

– Я не знала, что делать. Отвела его в кабинет директора. Там состоялся сухой, непонятный разговор, потому что этот мужчина наотрез отказался выдать цель своего визита и прикрывался задачами государственной важности.

– И вы собрали детей? Их много?

– Пятеро детей слышали какие-то голоса под туалетом. Они сказали, что голоса раздавались из канализационной трубы и, якобы, звали их за собой. Куда – не понятно. – Мария

Александровна оставалась где-то далеко, за пределами своей квартиры. – Еще человек десять-пятнадцать поверили им на слово и пожаловались родителям, что под школой воют призраки.

– Из канализационных труб? – переспросил Рома.

Диана проигнорировала его вопрос и, коснувшись руки матери, задала свой:

– Вы пригласили их в кабинет директора?

– Конечно, нет! – отрезала Мария Александровна. – Явился сотрудник неизвестно чего, сует нам под нос какие-то удостоверения. Мы сказали, что не имеем права. Собрание состоится только с согласия родителей и полиции, не иначе.

– И что он?

– Он, естественно, не согласился проводить собеседование в присутствии других лиц. Причем, полиции не испугался. А вот при упоминании о родителях вспылел. Мы не ругались, но после этого разговаривали на повышенных тонах.

– И чем закончилась беседа?

– Ничем. Он просто ушел. Директриса как-то не особо беспокоится о том, что происходит в школе. Наверное, думает, что все решится само собой. А вот мне все это ужасно не нравится!

– Мам, мне кажется, ты слишком беспокоишься о всякой ерунде. – Диана потянулась за кетчупом. – Конечно, явление таких личностей – не ерунда. Любые проверки оказывают давление, но тебе не стоит принимать это так близко к сердцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.